ОБЩЕСТВО ЛЮБИТЕЛЕЙ ИЗУЧЕНІЯ КУБАНСКОЙ ОБЛАСТИ.

Т 985/69

НЕКРАСОВСКІЕ КАЗАКИ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ,

СОСТАВЛЕННЫЙ ПО ПЕЧАТНЫМЪ И АРХИВНЫМЪ ДАННЫМЪ.

П. П. Короленко.

Дѣйствительный членъ Общества Любителей Изученія Кубанской Области.

ЕКАТЕРИНОДАРЪ.

Типографія Кубанскаго Областного Правленія.

1899.

ОБЩЕСТВО ЛЮБИТЕЛЕЙ ИЗУЧЕНІЯ КУБАНСКОЙ ОБЛАСТИ.

Ея Величеству
Председательницѣ Императорскаго Русскаго Археологическаго
Общества
Графинѣ Уваровой
съ глубочайшимъ почтеніемъ отъ Автора.

НЕКРАСОВСКІЕ КАЗАКИ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ,

СОСТАВЛЕННЫЙ ПО ПЕЧАТНЫМЪ И АРХИВНЫМЪ ДАННЫМЪ.

П. П. Короленко.

Дѣйствительный членъ Общества Любителей Изученія Кубанской Области.

193/4

ЕКАТЕРИНОДАРЪ.

Типографія Кубанскаго Областного Правленія.

1899.

Отд. отт. изъ „Изв. Общ. Любит. Изученія Куб. Обл.“.
Вып. II.—1899.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РСФСР
№

БИБЛ...
№ 20072
14-VIII 1930 г.

Некрасовскіе казаки.

I.

Взглядъ на расколъ въ Россіи. — Вольный Донъ. — Побѣгъ раскольниковъ съ Дона на Кубань, Куму и Аграхань. — Переходъ Аграханскихъ раскольниковъ въ Кубанскій край.

Первымъ ученымъ переводчикомъ въ Россіи богослужебныхъ книгъ съ греческаго на русскій языкъ и исправителемъ церковной тріоди, былъ вызванный въ 1506 г. изъ Аѳона въ Москву албанскій уроженецъ, Максимъ Грекъ.

Новая редакція исправляемыхъ русскихъ книгъ по церковному обиходу не всѣмъ нравилась въ Россіи. Многіе набожные москвичи всякое исправленіе божественнаго писанія считали грѣхомъ и держались старопечатнаго текста, а иные въ текстѣ этомъ находили много неправильностей, допущенныхъ прежде малограмотными переводчиками и печатниками богослужебныхъ книгъ.

Развивавшіяся несогласія между русскимъ духовенствомъ, по поводу исправленія церковныхъ книгъ, и высказывавшіяся противоположныя мнѣнія и толкованія однихъ и тѣхъ же церковныхъ обрядовъ обратили особенное вниманіе Московскаго Правительства и побудили его для обсужденія важнаго церковнаго вопроса созвать компетентныхъ духовныхъ лицъ, которыя должны были соборомъ разрѣшить возникавшія недоразумѣнія и несогласія послѣдователей стараго и новаго вѣроученія православной церкви.

Съ этой цѣлью въ 1551 году въ Москвѣ состоялся стогла-

вый соборъ, изложившій въ своемъ пространномъ постановленіи толкованіе обрядовъ православной церкви. Жаркіе диспуты на этомъ соборѣ не привели всѣхъ къ убѣжденію въ безошибочности исправленія церковныхъ книгъ. Нѣкоторые члены собора находили болѣе правильнымъ держаться вѣры предковъ своихъ и проповѣдывали о томъ же мірянамъ, слѣдовавшимъ мнѣнію своихъ пастырей.

Несмотря на перевѣсъ мнѣній маститыхъ іерарховъ стоглаваго собора о новой редакціи богослужебныхъ книгъ, исправленіе ихъ, по недостатку способныхъ для сего людей, шло медленно, и новыя обрядности въ богослуженіи не вездѣ въ Россіи примѣнялись, а по сему и самый расколъ въ вѣрѣ мало развивался и не имѣлъ остраго характера. Когда же, по порученію царя Михаила Ѳеодоровича, архимандритъ Діонисій въ 1617 году началъ исправлять церковный требникъ, для общаго употребленія въ русскихъ православныхъ церквахъ, то противъ него возстали уже явно ревнители старой вѣры Сергіевской лавры уставщикъ Филаретъ и головщикъ Лонгинъ,—доказывая грѣховность послѣдователей новаго вѣроученія, по исправляемымъ книгамъ.

Въ то время, когда расколъ въ вѣрѣ между русскимъ народомъ началъ болѣе развиваться, патріархъ Никонъ предложилъ на соборѣ произвести исправленіе всѣхъ богослужебныхъ книгъ православной церкви, съ измѣненіемъ нѣкоторыхъ церковныхъ обрядовъ, неправильно въ прежнія времена истолкованныхъ въ старопечатныхъ уставахъ. Такимъ рѣшительнымъ приговоромъ суровый святитель хотѣлъ разомъ прекратить произвольныя толкованія старой вѣры и заставить весь русскій народъ слѣдовать новому порядку церковнаго богослуженія, но надежды его не оправдались. Противъ Никона выступили борцами за старую вѣру не простые уже монахи, подобные Филарету и Лонгину, а епископъ коломенскій Павелъ, протопопъ юрьевскій Аввакумъ и другіе ученые, по тогдашнему времени, столпы русской церкви. Строгія мѣры, принятыя противъ старовѣровъ, лишеніе Павла епископскаго сана, ссылка Аввакума въ Сибирь и другія наказанія, налагавшіяся на ихъ единомышленниковъ, не остановили раскола въ Россіи, а еще болѣе его усилили [1]).

Царь Петръ Алексѣевичъ продолжалъ дѣло патріарха Никона и энергичными мѣрами старался подавить все болѣе и болѣе развивавшійся расколъ. Никонъ измѣнялъ старую вѣру въ Россіи, а Петръ, поддерживая его, реформировалъ русскіе обычаи старообрядцевъ. Духовныя лица перваго принуждали народъ крестить-

[1]) Добронравинъ. Очеркъ исторіи русской церкви. Спб. 1863 стр. 147—149.

ся тремя перстами, а приказные чины послѣдняго — рѣзали бороды русакамъ и одѣвали ихъ въ короткіе кафтаны. Православный русскій людъ не легко поддавался всѣмъ этимъ нововведеніямъ и отъ того и отъ другого открещивался двумя перстами, откупаясь еще и штрафами. Но все это не помогало. Строгій владыка и грозный царь не терпѣли противорѣчій, а требовали безусловнаго повиновенія.

Помимо двойного подушнаго оклада, раскольники за право носить бороду и длинное свое платье платили въ годъ казнѣ 50 рублей и уже не смѣли надѣвать другого платья, кромѣ своего стараго; даже жены ихъ должны были носить при старинномъ платьѣ шапки „съ рогами“; если же кто изъ нихъ переодѣвался въ платье новаго покроя, то платилъ опять 50-тирублевый штрафъ. Тѣ же изъ раскольниковъ, кто занимался торговлею и промыслами обязательно должны были брить бороду; за неисполненіе же этого царскаго требованія виновнаго брали подъ стражу и взыскивали тотъ же штрафъ въ 50 руб., а кто не въ состояніи былъ заплатить этихъ денегъ, тѣхъ ссылали на отработокъ въ сибирскіе заводы. [2]). Все это сносили раскольники, но не могли мириться съ царскимъ принужденіемъ,—отречься отъ своей старой вѣры. А принужденіе это было грозное. Петръ Алексѣевичъ указомъ своимъ повелѣвалъ: всѣхъ тѣхъ, кто послѣ разспросовъ и пытокъ не будетъ покоряться святой церкви „сжечь“. [3]).

Тревожное это было время для русскаго народа. Гремѣли съ церковной каѳедры проклятія на раскольниковъ, не признававшихъ новаго церковнаго ученія, гремѣли и цѣпи на нихъ въ смрадныхъ темницахъ. Многіе раскольники, слабые духомъ и тѣломъ, покорились царской волѣ и приняли новое вѣроученіе, но были и такіе крѣпкіе мужи, которые съ ангельскимъ терпѣніемъ переносили разныя муки въ петровскихъ застѣнкахъ, задыхались въ мрачныхъ казематахъ, страдали въ каторгѣ и скорѣе разставались съ жизнью, чѣмъ со старой вѣрой отцовъ своихъ.

На однѣхъ только окраинахъ слабо чувствовалась царская строгость и, если кому удавалось убѣжать въ такія мѣста, то это было единственное средство для раскольниковъ сохранить свою бороду и старую вѣру. Такой обѣтованной страной былъ болѣе всего Донской край.

Въ старыя времена вольные казаки, жившіе на юго-восточныхъ границахъ московскаго государства, хотя и признавали

[2]) Указы царя Петра Алексѣевича 6 апрѣля 1722, 14 и 28 іюня 1723, 4 іюня и 13 ноября 1724 г.

[3]) Полн. собр. зак. т. II № 1102.

надъ собою верховную власть русскихъ царей, начиная отъ Іоанна Грознаго, но не держались русскихъ законовъ и невсегда исполняли царскія велѣнія. У казаковъ было свое обычное право, которому они слѣдовали, и свое войсковое правительство, которому они безусловно подчинялись. Свободное жительство всѣхъ и каждаго на войсковыхъ земляхъ, составлявшихъ когда-то татарскія займища, свободное исповѣданіе старой русской вѣры и вольная служба царю, составляли главныя условія казацкой жизни донцовъ.

Вольная жизнь въ Донскомъ краѣ манила къ себѣ многихъ изъ центральной Россіи въ Петровское время. На Донъ бѣжалъ изъ-подъ барскаго кнута оторванный отъ своей семьи крестьянинъ, туда скрывался и преступникъ достойный висѣлицы, тамъ же хоронилъ свою бороду и закоренѣлый старовѣръ, открещиваясь двумя перстами отъ батоговъ, которыми били нещадно ослушниковъ воли царской. Такимъ бѣглецамъ грозила одна только бѣда, если они попадались въ руки воеводъ, сторожившихъ ихъ на рубежахъ Россійскаго государства, въ заставахъ украинскихъ городовъ: тогда бѣглецы прощались съ свободой и даже съ самой жизнью. Царь приказывалъ воеводамъ такихъ бѣглецовъ, а особенно боярскихъ холопей вѣшать, или бить кнутомъ, а ихъ сообщниковъ, подговаривавшихъ на побѣгъ, ссылать на вѣки въ каторжныя работы. [4]).

Кто успѣвалъ благополучно перешагнуть завѣтную московскую черту и достигнуть донскаго края, того уже русскія власти не могли достать. На Дону царскихъ воеводъ и приказныхъ не было, а по требованію московскихъ властей донцы, слѣдуя вѣковымъ обычаямъ, никого не выдавали.

Бѣглые изъ Россіи раскольники направлялись чрезъ тамбовскую провинцію въ пустынныя, мало населенныя мѣста верховыхъ донскихъ рѣкъ—Хопра, Медвѣдицы и прочихъ. Они строили тамъ себѣ городки и сторонились не только русской власти, но подчасъ и самого донского войскового начальства. Заводя короткія знакомства съ сосѣдними тамбовцами, бѣглые раскольники сманивали оттуда на Хоперъ и другія свои мѣста отъ мужей женъ, отъ родителей дѣтей, и тамъ совращали ихъ въ свои раскольничьи толки. Такіе раскольники, толкуя по своему христіанскую вѣру, доходили до такой степени изувѣрства, что разбивали и уродовали святыя иконы. [5]).

---

[4]) Указъ царя Петра Алексѣевича 3 апрѣля 1724 г.—Багалѣй. Очерки изъ исторіи колонизаціи и быта степной украины Московскаго государства. Т. I Москва 1887 стр. 371—374.

[5]) Труды Саратовской ученой архивной комиссіи т. II. 6, 2 статья Минха стр. 267 Допол. къ историч. актамъ т. XII, № 17, I.

При такихъ благопріятныхъ условіяхъ развивался въ верховьяхъ Донского края расколъ, главными распространителями котораго считаютъ тихвинскаго игумена Досифея и поповъ Пафнутія и Ѳеодосія. [6]). Они толковали священное писаніе во всѣхъ видахъ и на всѣ лады, удаляясь не только отъ новаго вѣроученія, по исправленнымъ церковнымъ книгамъ, но и отъ старой вѣры, не имѣвшей въ основѣ сходства съ ихъ толкованіями. Русское правительство зорко слѣдило за этими совратителями православнаго народа и ихъ послѣдователями и постепенно добиралось до нихъ, посылая въ донской край свои отряды для поимки раскольниковъ. Обстоятельства эти послужили поводомъ къ бѣгству раскольниковъ съ ихъ донской родины въ южный край, въ сторону азіатскихъ земель.

По извѣстіямъ Ригельмана, первая партія раскольниковъ вышла съ Медвѣдицы и Бузулука въ 1687 году, на р. Куму, съ атаманомъ Костюкомъ, который съ Кумы передвинулся на Сулакъ и тамъ построилъ себѣ городъ на Прорвѣ, изъ котораго производилъ грабежи и разбои въ Прикаспійскомъ краѣ, но въ 1697 году посланнымъ отъ царя полковникомъ Бушевымъ, при содѣйствіи гребенскаго атамана Кирѣева, былъ пойманъ и съ своими сообщниками казненъ въ Астрахани. [7]).

Въ слѣдующемъ 1688 году царь Петръ I приказалъ донскому войсковому атаману Денисову пристанища раскольниковъ на Дону разорить, а самихъ ихъ казнить; а особенно наказывалъ поймать распространителей раскола Досифея, Пафнутія и Ѳеодосія. Денисовъ, не рѣшаясь ослушаться царя, забравшаго уже власть въ Донскомъ краѣ, послалъ противъ раскольниковъ отрядъ донскихъ казаковъ, подъ начальствомъ станичнаго атамана Осипа Михайлова, но заводчики раскола, предувѣдомленные заранѣе своими пріятелями, не стали ожидать Петровской расправы, а склонили всѣхъ желающихъ сохранить старую вѣру искать спасенія за предѣлами Россіи. [8]). Обѣтованной землей для раскольниковъ представлялись имъ вольныя степи Кубани и Кумы, гдѣ не было еще осѣдлаго населенія, а бродили одни только кочевыя татарскія племена. Одинъ изъ вѣроучителей, Савва Семенищевъ, проповѣдывалъ раскольникамъ, что для душевнаго спасенія и мирной жизни въ русскихъ предѣлахъ нѣтъ мѣста, потому что въ Московскомъ государствѣ нѣтъ уже великихъ государей и святѣйшаго патріарха. [9]). Тем-

---

[6]) Щаповъ. Русскій расколъ старообрядства. Казань 1859, стр. 228.
[7]) Ригельманъ. Исторія о Донскихъ казакахъ. Москва 1846. Стр. 74, 79.
[8]) Дополненіе къ историческимъ актамъ т. XII № 52.
[9]) Дополн. къ историч. актамъ т. XII № 17.

ный народъ вѣрилъ этимъ бреднямъ и стремился поскорѣе выйти изъ своей родины въ чужую землю.

1688 годъ былъ роковымъ для многихъ раскольниковъ донскаго края, они старались поскорѣе уйти за границу, чтобы избѣгнуть казней и разоренія. Убѣгавшіе съ своей родины старовѣры дѣлились на партіи и шли туда, куда ихъ вели партіонные предводители. Одна изъ такихъ партій въ этомъ году вышла на Кубань. [10]). Тогда же въ Казанскомъ приказѣ было получено отъ царицынскаго воеводы, стольника Димитрова, донесеніе, что съ Дону на Куму вышло раскольниковъ въ одинъ разъ до 2000 семей съ обозомъ и запасомъ, подъ предводительствомъ атамана Левка Манацкаго, [11]), а въ слѣдующемъ году еще отправилось туда же 300 человѣкъ, которые, по разсказу полоняника Саввы Алексѣева, взявши съ собою черкесъ и азовцевъ, приходили къ Кагальнику, къ Голубымъ и другимъ казачьимъ городкамъ, забрали свои семейства и родственниковъ и увели ихъ туда же на Куму. [12]).

Остановившись на Кумѣ въ безопасномъ мѣстѣ атаманъ Манацкій въ сопровожденіи 300 казаковъ отправился къ шамхалу Тарковскому, для заключенія договора о принятіи всѣхъ кумскихъ казаковъ въ свое подданство, на томъ условіи, что эти казаки будутъ помогать шамхалу въ военныхъ его дѣлахъ, а онъ будетъ оказывать имъ свое покровительство. [13]).

Широкіе были замыслы у кумскихъ раскольниковъ. Они имѣли въ виду перейти изъ Кумы на Терекъ, построить тамъ крѣпкій городъ, отнять у терцевъ пушки, артиллерійскіе запасы и все оружіе, мурзъ жившихъ около Терека перебить, надѣлать морскихъ струговъ и на нихъ ходить за добычей въ персидскія владѣнія и къ русскимъ на Волгу. [14]). Но въ то время, какъ Манацкій договаривался съ тарковцами, кабардинскій князь Мисостъ звалъ кумскихъ казаковъ къ себѣ въ союзники, и мурза Чакаловъ привезъ имъ подарки по три киндяка и по три сафьяна на человѣка. Въ виду такого хорошаго пріема азіатцами раскольниковъ и выгодныхъ мѣстъ для поселенія, они остались на Кумѣ и начали разселяться по частямъ въ такомъ порядкѣ: въ одномъ мѣстѣ пріютились старцы какъ бы скитники, въ другомъ старицы, постриженныя въ монашество изъ казачьихъ женъ Чирской станицы, искавшихъ душевнаго спасенія и

---

[10]) Историческое описаніе земли Войска Донскаго ч. II, Новочеркаскъ, 1872, стр. 567.

[11]) Дополн. къ истор. актамъ т. XII № 52.

[12]) Сборн. Харьковск. историко-филологич. общ. т. II. Харьковъ 1890 г. № 39.

[13]) Дополн. къ истор. актамъ т. XII № 52.

[14]) Дополн. къ истор. актамъ т. XII № 22.

отдѣлившихся отъ мужей, а въ третьемъ бѣльцы, не желавшіе стѣснять себя монашескими обѣтами. Для главнаго пристанища казаковъ былъ устроенъ крѣпкій земляной городокъ, въ пустынномъ мѣстѣ среди лѣсовъ и рѣкъ Кумы и Домузлы, вблизи рушнъ древнихъ Маджаръ.

Свѣтская власть у кумскихъ старовѣровъ была въ рукахъ ихъ атамана, а духовная находилась подъ вѣдѣніемъ извѣстныхъ уже пропагандистовъ Досифея, Ѳеодосія и Пафнутія, изъ которыхъ послѣдній хотя и именовался попомъ, но былъ настоящій казакъ. Онъ одѣвался въ кабардинское платье, имѣлъ хорошее оружіе и боевого коня, любилъ свободу и чистое поле. [15]). А разгуляться кумцамъ было гдѣ: кавказскія степи были широки и долги, русскихъ селеній не было, туземные азіатскіе жители не мѣшали казацкому разгулу на всѣ стороны до Кубани, Терека и Волги. Зажили кумскіе казаки на полной своей волѣ, никѣмъ и ни въ чемъ не стѣсняемые и никому не подвластные. Они занимались звѣроловствомъ и другими промыслами, практиковавшимися въ казачьемъ быту, а продовольственные припасы получали отъ кабардинцевъ. [16]).

Привольная жизнь кумскихъ раскольниковъ на Сѣверномъ Кавказѣ, ничѣмъ и никѣмъ не стѣсняемая, сильно манила къ себѣ казаковъ Донскаго края, державшихся раскола. Цѣлыя станицы бунтовались и хотѣли уходить за границу. Пашинцы, качалинцы, чирцы и другіе станичники, пристав къ бѣглому попу Никитѣ Иванову, побили въ своихъ станицахъ многихъ благонадежныхъ людей, не сочувствовавшихъ ихъ замысламъ, и убѣжали потомъ на Куму къ своимъ единовѣрцамъ, но послѣ воротились назадъ, узнавши, что семейства ихъ, брошенныя на Медвѣдицѣ, разоряются государственными людьми. [17]). Такъ какъ больше всѣхъ выходцевъ волновали донцовъ кумскіе раскольники, то царь Петръ Алексѣевичъ рѣшился во что бы то ни стало достать этихъ злодѣевъ, хотя бы и за предѣлами своего государства, и тѣмъ водворить спокойствіе въ Донскомъ краѣ. Онъ повелѣлъ донскому войсковому атаману употребить все стараніе для поимки кумскихъ „гулебщиковъ“, какъ называли ихъ тогда въ Москвѣ. Но донцы не охотно исполняли волю царя. Во-первыхъ, изъ нихъ многіе имѣли сами сношенія съ заграничными раскольниками, съ которыми связывала ихъ старая вѣра, дружба и родство, а во-вторыхъ, страшились ихъ мести, такъ какъ кумцы при каждомъ неудовольствіи, грозились съ помощью

---

[15]) Дополн. къ истор. актамъ, т. XII, № 17. Попко. „Терскіе казаки“. Спб. 1880 стр. 80—84.

[16]) Дополн. къ истор. актамъ, т. XII, № 17.

[17]) Тамъ же.

кабардинцевъ разорить донцовъ, и одинъ разъ сдѣлали набѣгъ на верхніе донскіе городки, многихъ донцовъ побили и въ плѣнъ побрали. [18]).

Опасно было раздражать раскольниковъ, жившихъ за донскими предѣлами, но страшенъ былъ и гнѣвъ державнаго Петра, настаивавшаго на разореніи кумскихъ гулебщиковъ. Донской атаманъ Фролъ Минаевъ, желая съ одной стороны показать свое усердіе къ царю, а съ другой—избѣгнуть мщенія свирѣпыхъ старовѣровъ, отряда своего къ нимъ не послалъ, а отправилъ отъ себя (1689 г.) письмо на Терекъ къ воеводѣ Опухину, да къ терскимъ гребенскимъ казакамъ и горскимъ князьямъ, чтобы они воровъ раскольниковъ, бѣжавшихъ съ Дону къ себѣ не принимали. Посланные съ этими письмами донскіе казаки Васька Заукой и его товарищи, отправившись въ путь, заходили и къ самымъ раскольникамъ на Кумѣ, для ознакомленія съ тамошней ихъ жизнью, которую кумцы вели привольно, не боясь поплатиться свободой, или самой головой. Посланцы скрыли предъ нимъ цѣль своего путешествія и отправились далѣе. Свѣдали ли кумцы, зачѣмъ эти послы шли на Терекъ, или догадались, что они были имъ не большіе пріятели, только они вскорости погнались за донскими послами, но, не зная направленія ихъ пути, дѣлали засады въ разныхъ мѣстахъ, однако поймать ихъ не могли. Смѣтливые и смѣлые донцы успѣли скрыться отъ этой погони. Разсвирѣпѣвшіе раскольники, не поймавши Ваську, воротились и вымѣстили свою злобу на тѣхъ своихъ товарищахъ, у которыхъ Васька остановился и гостилъ. Такихъ гостепріимныхъ хозяевъ преслѣдователи посчитали за пристанодержателей донскихъ шпіоновъ и, не вѣря ихъ оправданіямъ въ невѣдѣніи цѣли прихода Васьки, осудили пять человѣкъ, имѣвшихъ съ ними сношенія, на смерть и неволю: трехъ изъ нихъ сожгли, а двухъ продали кабардинцамъ въ рабство. [19]).

Такъ какъ разосланныя донскимъ атаманомъ Минаевымъ письма на Терекъ и Кабарду не имѣли никакого дѣйствія, то онъ послалъ особаго смѣлаго гонца Савелія Безпалаго на Куму съ открытымъ увѣщаніемъ къ тамошнимъ раскольникамъ, чтобы они отъ бусурмановъ отстали и шли безъ опасенія на прежнія свои жилища служить вольно законнымъ государямъ, по донскому положенію. Участь этого посла была печальна, раскольники кумскіе Безпалаго убили и тѣло его бросили въ воду.

Въ слѣдующемъ 1690 году донской войсковой атаманъ

---

[18]) Тамъ же.
[19]) Тамъ же.

вновь посылалъ своихъ казаковъ для переговоровъ съ кумскими раскольниками, но послы, зная участь Безпалаго, не рѣшились ѣхать прямо на Куму, а отправились на Терекъ къ тамошнимъ горскимъ князьямъ Давлетъ и Алды Гиреямъ, у которыхъ просили содѣйствія для исполненія своего порученія. Князья тѣ приняли участіе и послали съ донцами своихъ людей на Куму. Но, вѣроятно, провожавшіе пословъ азіатцы плохіе были тѣлохранители, потому что раскольники переловили прибывшихъ къ нимъ донцовъ, побили ихъ до смерти дрючьемъ и тѣла несчастныхъ исполнителей долга службы побросали въ воду.

Послѣ этого, когда московскій патріархъ Іоакимъ прислалъ на Донъ грамоту съ увѣщаніемъ раскольниковъ обратиться къ православной церкви и просилъ отослать ее еще и къ кумскимъ раскольникамъ, то донцы наотрѣзъ отказали патріарху въ его просьбѣ и отписали, что патріаршей грамоты они на Куму доставить не могутъ, потому что кумскіе раскольники всѣхъ пословъ къ нимъ донскихъ убиваютъ. [20]).

Такъ какъ со стороны Донскаго войска нельзя было ожидать успѣховъ въ разореніи раскольниковъ на Кумѣ, или вызова ихъ въ донскіе предѣлы, то царицынскій воевода по царскому повелѣнію послалъ 200 казаковъ къ калмыцкому тайшѣ Чагану, чтобы онъ съ тѣми казаками и калмыками чинилъ воинскій промыслъ на кумскихъ раскольниковъ. Но тайша, бывшій въ добромъ согласіи съ кумцами, не захотѣлъ наживать себѣ въ нихъ лишнихъ враговъ. Онъ отписалъ воеводѣ, что калмыки имѣютъ только лучной бой и не могутъ сражаться съ кумскими раскольниками, имѣющими у себя огнестрѣльное оружіе, и при томъ раскольники эти засѣли въ крѣпкомъ земляномъ городкѣ, между лѣсовъ и водъ кумскаго бассейна, и калмыкамъ ихъ тамъ достать невозможно. [21]). Получивши такой отвѣтъ царь повелѣлъ тому же воеводѣ послать отъ себя отрядъ русскихъ войскъ на Куму и разорить тамъ раскольничье гнѣздо, а самихъ раскольниковъ истребить. Такой походъ назначался въ томъ соображеніи, чтобы не дать возможности кумцамъ уйти на Терекъ, гдѣ ихъ взять было бы уже гораздо труднѣе, или даже совсѣмъ невозможно.

Въ виду такихъ рѣшительныхъ мѣръ, принимавшихся царемъ для искорененія раскольниковъ, поселившихся на Кумѣ, эти гулебщики, не ожидая царицынскаго отряда, о которомъ они провѣдали, и, не надѣясь устоять противъ русскихъ, при плохой надеждѣ на защиту туземными азіатцами, въ томъ же 1690

---

[20]) Тамъ же.
[21]) Тамъ же.

году, ушли съ Кумы за Терекъ, во владѣнія шамхала Тарковскаго Будай-хана и основали тамъ свое жительство на рѣчкахъ Сухомъ Койсугѣ и Аграхани. Въ этихъ мѣстахъ, отдаленныхъ отъ русскихъ границъ, аграханцы считали уже себя въ совершенной безопасности отъ преслѣдованій царя Петра и, ведя разгульную жизнь, предавались разбоямъ на Каспійскомъ морѣ и Волгѣ. Не ограничиваясь своимъ краемъ, аграханцы вошли въ сношенія съ кубанцами и участвовали вмѣстѣ съ ними въ татарскихъ набѣгахъ на московскую украйну. Изъ этихъ набѣговъ особенно замѣчательно нападеніе на Торъ, гдѣ было большое собраніе русскихъ людей за солью. Въ то время главными проводниками татаръ въ русскіе предѣлы были раскольники подъ предводительствомъ Петра Мурзенко *) и Льва Манацкаго. Они въ русской одеждѣ и, говоря по-русски, сообщались свободно съ русскимъ народомъ, принимавшимъ этихъ изувѣровъ за донцовъ, и за свою довѣрчивость поплатившихся плѣномъ и самой жизнью. Въ этотъ набѣгъ татары при содѣйствіи раскольниковъ истребили около тысячи горскихъ обывателей. [22]),

Въ концѣ 1691 года аграханскіе раскольники составили замѣчательный по смѣлости планъ. Съ помощью турокъ, крымцевъ и черкесскихъ народовъ они намѣревались взять Черкаскъ, разорить донскіе городки и весь донской край отдать во владѣніе турецкому султану.

Были вѣсти, что для этого похода собирались уже въ Азовѣ татары и калмыки. Получивши такое страшное извѣстіе, донцы немедленно отправили въ Москву гонцомъ станичнаго атамана Аверкіева, съ просьбою къ царю о помощи и защитѣ противъ нашествія непріятелей. Петръ Алексѣевичъ не оставилъ безъ вниманія опаснаго положенія донцовъ и тотчасъ послалъ изъ Москвы на Донъ сильный отрядъ русскихъ войскъ, подъ начальствомъ дворянина Ивана Басова. Этотъ военачальникъ, минуя Азовъ, гдѣ собирались союзники аграханцевъ, пошелъ прямо на Аграхань, имѣя намѣреніе разорить или возвратить, по доброй волѣ, тамошнихъ раскольниковъ въ Россію. Такимъ движеніемъ Басовъ предупредилъ задуманное съ Аграхани опасное для донцовъ нападеніе раскольниковъ и азіатцевъ, но больше ни въ чемъ не имѣлъ успѣха. Шамхалъ Тарковскій, покровительствуя раскольникамъ, не выдалъ ихъ русскому воеводѣ и не допустилъ до разоренія, объявивши, что раскольники его го-

*) Мурзенко, вѣроятно, былъ предводитель кубанскихъ раскольничьихъ казаковъ.

[22]) Дополн. къ истор. актамъ, т. XII, № 17. Историческое описаніе земли войска Донскаго, часть II, Новочеркаскъ 1872, стр. 512.

сти и онъ долженъ ихъ защищать отъ всякой обиды; а если эти раскольники пожелаютъ, то сами могутъ возвратиться въ Россію во всякое время. Несмотря на такой протестъ Будайхана, Басовъ не хотѣлъ отступиться отъ своей цѣли, онъ рѣшился было самъ отправиться въ аграханскій городокъ для личныхъ переговоровъ съ раскольниками, но его предупредили, что если только онъ появится на Аграханѣ, то раскольники непремѣнно его убьютъ. При такомъ сообщеніи благоразуміе взяло верхъ. Басовъ, не рискуя болѣе своей головой, не оставилъ все-таки своего намѣренія видѣться съ раскольниками. Для этого онъ обратился за содѣйствіемъ къ вдовѣ князя Муцаловича Таукѣ Салтанъ-Бековнѣ, съ помощію которой были вызваны изъ Аграхани четыре выборные раскольника за Сулакъ, которые, увидѣвшись съ Басовымъ, объявили ему рѣшительно, что все аграханское раскольничье общество на Донъ не воротится, въ виду гоненія тамъ отъ царя на ихъ старую вѣру. [23]).

Хотя походъ Басова на Аграхань и не вполнѣ удался, но былъ не безполезенъ. Во-первыхъ, отвратилъ грозное намѣреніе враговъ разорить донцовъ, во-вторыхъ, доказалъ раскольникамъ, что подъ покровительствомъ слабаго азіатскаго владѣльца они не въ безопасности на Аграхани отъ нападенія русскихъ и что царь Петръ тѣмъ, или другимъ путемъ, рано или поздно достанетъ ихъ и за Терекомъ. Обстоятельства эти дѣйствительно заставили аграханцевъ призадуматься надъ своей судьбой. Имъ предстояло рѣшить важный вопросъ, въ какую сторону можно имъ еще направиться въ случаѣ нашествія русскихъ. Одна дорога имъ была теперь на Кубань. Мысль эту давно уже держалъ въ своей головѣ заботливый атаманъ аграханцевъ Манацкій. Имѣя постоянныя сношенія съ крымцами и не разъ помогая татарамъ, по особымъ уговорамъ, боевой силой своихъ казаковъ въ различныхъ набѣгахъ подвластныхъ Крыму войскъ на сосѣдніе народы, Манацкій могъ вполнѣ расчитывать на благосклонность крымскаго хана, въ владѣніяхъ котораго онъ всегда могъ укрыться отъ преслѣдованія русскихъ, какъ укрывались его товарищи кубанскіе казаки.

Конецъ жительства раскольниковъ на Аграханѣ пришелъ гораздо раньше, чѣмъ они ожидали, и совсѣмъ не съ той стороны, откуда они его высматривали. Аграханцы, дружившіе съ кумыками, вмѣстѣ ходили за добычею въ персидскія владѣнія и разбили на Каспійскомъ морѣ „двѣ полубусы персицкія“ (должно быть большія суда, называвшіяся тулумбасами) и всю

[23]) Истор. опис. земли Войска Донскаго, ч. II, стр. 513. Попко „Терскіе казаки“, стр. 8—84.

ту добычу при дѣлежѣ кумыки будто бы забрали себѣ. За это раскольники поссорились съ кумыками. Ссора настолько была крупна, что вызвала вооруженное столкновеніе, при которомъ кумыки захватили въ плѣнъ около 250 душъ раскольничьихъ семействъ съ пожитками. [24]). Послѣ этого атаманъ Сенька Саратовецъ взялъ съ собою человѣкъ семь раскольниковъ, поѣхалъ въ Крымъ съ жалобою къ хану на кумыковъ, за сказанную обиду и съ просьбой о возвращеніи кумыками астраханскимъ казакамъ какъ захваченной на морѣ добычи, такъ и плѣнныхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Саратовецъ заявилъ хану, что астраханскіе раскольники не хотятъ дальше жить между кумыками и черкесами, а желали бы возвратиться для жительства на Куму, нѣкоторые же изъ товарищей Саратовца хвалились людямъ московскаго посла Айтемирова, что не прочь были бы воротиться и на Донъ, лишь бы не жить во владѣніяхъ шамхала. Ханъ просьбу раскольниковъ принялъ и велѣлъ Абдулай-Агѣ отправиться съ астраханцами въ кумыкскую землю, разслѣдовать жалобу и, если представится возможность, то и удовлетворить обиженныхъ: а также, осмотря, гдѣ пристойно имъ поселиться, мѣсто указать. да имъ де казакамъ, по ихъ прошенію, дать изъ Крыму двѣ пушки съ припасами. [25]).

Успѣлъ ли татарскій слѣдователь доѣхать до Астрахани или нѣтъ, но астраханцамъ, не пришлось выбирать на Кумѣ новое мѣсто жительства. Обозлившіеся на казаковъ кумыки, вѣроятно, тоже понесшіе при ссорѣ не малыя потери, пожаловались на нихъ своему владѣльцу. Шамхалъ принялъ сторону кумыковъ и, не желая заводить въ своихъ владѣніяхъ возмущеній между своими подданными и гостями, какъ называлъ прежде астраханскихъ раскольниковъ, самъ вызвалъ русскія войска, чтобы они забрали у него неуживчивыхъ и своевольныхъ казаковъ.

По вызову Будай-хана астраханскій воевода князь Хованскій въ 1692 году двинулъ два отряда на Астрахань, одинъ моремъ на судахъ подъ командою Ивана Волкова, а другой сухимъ путемъ подъ начальствомъ Дениса Сербина. Послѣдній, прибывши на Терекъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ, далѣе не пошелъ, а обратился къ княгинѣ Таукесалъ Талбековнѣ (выше значится Таука Салтанбековна) и къ шамхалу Тарковскому, прося ихъ дать съ своей стороны помощь для нападенія на астраханскихъ раскольниковъ.

Въ это время вышла изъ Дону еще одна партія расколь-

[24]) Запис. Одесск. общ. истор. и древн. Т. XVIII. Списокъ подъячего Антемирова, стр. 67.
[25]) Тамъ же стр. 75—76.

никовъ на Кубань, подъ покровительство крымскаго хана, который принялъ русскихъ казаковъ съ большою охотою и указалъ имъ мѣсто для поселенія между Кубанью и Лабенчикомъ [26]) (Лабой). Кубанскіе казаки (такъ они назывались отъ р. Кубани), съ соизволенія хана построили для себя каменный городокъ, на высокомъ берегу Лабы, признаки котораго и до сихъ поръ видны, и въ немъ поселились на жительство. Такъ какъ русскіе всѣхъ кубанскихъ раскольниковъ впослѣдствіи называли Некрасовцами, то и развалившаяся надъ Лабой крѣпость кубанскихъ казаковъ извѣстна была подъ названіемъ Некрасовскаго городка. Кубанскіе казаки узнавши объ опасности грозившей аграханскимъ раскольникамъ отъ русскихъ и кумыковъ, въ томъ же 1692 году пошли къ нимъ на помощь [27]), но по своей малочисленности не могли защитить своихъ братьевъ по вѣрѣ и званію отъ надвигавшейся съ двухъ сторонъ московской силы.

Не ожидая прибытія русскихъ отрядовъ, аграханскіе казаки снялись съ своихъ мѣстъ и пошли въ крымскія владѣнія.

Въ это время подоспѣлъ и Волковъ съ своимъ десантомъ на Аграхань. По его настоянію, княгиня Талбековна послала гонца къ брату своему Муртазелею Амиръ-хану, чтобы онъ отправилъ своихъ подвластныхъ людей догонять раскольниковъ на пути и, если удастся, то воспрепятствовать ихъ дальнѣйшему ходу и тѣмъ дать возможность русскимъ захватить бѣглецовъ. По распоряженію Амиръ-хана собрались чеченцы и пустились въ погоню за уходившими аграханцами. Они ихъ нагнали и осадили при переправѣ на р. Сунжѣ. Тамъ произошелъ кровопролитный бой между преслѣдователями и преслѣдуемыми. Чеченцы многихъ раскольниковъ побили, нѣкоторыхъ съ семействами взяли въ плѣнъ, но остановить аграханцевъ отъ дальнѣйшаго слѣдованія не могли. [28]).

Отбившись отъ свирѣпыхъ чеченцевъ, аграханскіе бѣглецы въ числѣ 200 человѣкъ прибыли на Кубань и соединились съ кубанскими казаками, къ которымъ прибылъ еще изъ-подъ Азова съ улусомъ Кубекъ-ага, помѣстившійся въ новоустроенной крѣпости. Это смѣшанное русско-азовское общество, съ прибывшими съ Дону другими раскольниками составило значительную военную силу, имѣвшую возможность своими набѣгами производить разоренія жителей русскихъ украинскихъ городовъ. [29]).

---

[26]) Броневскій. Истор. Донск. войска ч. I. Спб. 1834, стр. 200.

[27]) Акты истор. т. 5 Спб. 1842 г. № 215. Въ этомъ документѣ, составляющемъ отписку въ сентябрѣ 1692 г. Волкова и Сербина астраханскому воеводѣ, въ первый разъ упоминаются кубанскіе казаки.

[28]) Тамъ же.

[29]) Броневскій. Ист. Донского войска стр. 200.

Въ слѣдующемъ 1693 году царь Петръ грамотою 18 іюля велѣлъ донскому атаману Фролу Минаеву построенную бѣглыми раскольниками крѣпость на Кубани разорить и строго смотрѣть, чтобы изъ верховыхъ городковъ на Кубань раскольничьи казаки не уходили. [30]). Но приказаніе Петра донцы не могли выполнить. Кубань отъ Дону была далеко, а Закубанскій край и совсѣмъ не доступенъ былъ въ то время для донскихъ казаковъ. За то кубанскіе казаки не затруднялись переправою чрезъ великую рѣку Кубань, для нападенія на русскихъ пограничныхъ жителей.

Озлобленный противъ русскихъ атаманъ Левъ Манацкій, въ 1694 году, собравъ до 400 человѣкъ раскольниковъ, пошелъ съ ногайцами и калмыками, кочевавшими въ Кубанскомъ краѣ, подъ украинные города Московскаго государства: Рыбный, Усердъ и другіе. Но набѣгъ этотъ не удался. Донцы на пути разбили кубанцевъ и захватили 32 человѣка въ плѣнъ. [31]).

Раскаявшійся предводитель кубанскихъ казаковъ Левъ Манацкій, въ 1695 году пришелъ съ повинной въ Черкасскъ, но его тамъ приняли какъ злѣйшаго врага и, не вѣря въ его раскаяніе, разстрѣляли. [32]).

Вскорости послѣ этого князь Хованскій получилъ свѣдѣніе, что кубанскіе раскольничьи казаки съ крымцами и ногайцами едиканской орды намѣреваются итти на военные промыслы подъ Царицынскую заставу, на Волгѣ и на рыбныя ватаги къ Черному яру. Слухъ этотъ оправдался: въ 1696 году „воровскіе люди и раскольщики“ появились на Волгѣ и Каспійскомъ морѣ и тамъ производили грабежи и разбои. Дѣйствія раскольниковъ были настолько значительны, что обратили вниманіе самого царя, который послалъ грамоту астраханскому воеводѣ Мусину-Пушкину объ истребленіи этихъ разбойниковъ, наносившихъ большой вредъ торгово-промышленной дѣятельности Астраханской области. [33]).

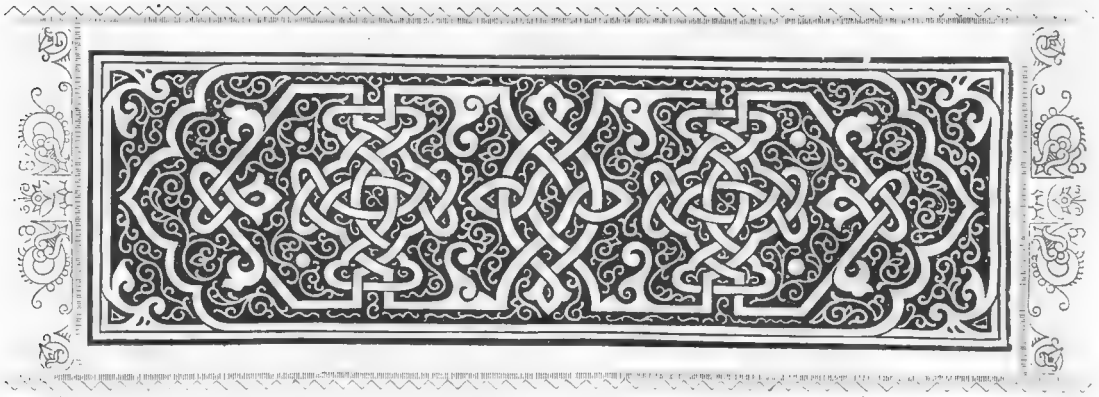
Положительныхъ свѣдѣній нѣтъ, что разбойничавшіе на Волгѣ и Каспіи раскольники были съ Кубани, но нѣтъ сомнѣнія, что это были тѣ самые, удалившіеся на Кубань, аграханцы, которые похвалялись туда итти и которые еще прежде занимались такими же разбоями на Волгѣ, а теперь мстили торговымъ людямъ и жителямъ Московскаго государства, въ приволжскомъ краѣ, за неоднократныя разоренія ихъ русскими на

[30]) Тамъ же стр. 201.
[31]) Историч. опис. земли Войска Донского т. II стр. 517, примѣч. 513.
[32]) Броневскій. Истор. Донского войска ч. I стр. 210.
[33]) Тамъ же.

Дону, Кумѣ и Аграханѣ. Какова была дальнѣйшая участь кубанскихъ казаковъ, не извѣстно, но есть основаніе предполагать, что они изъ-за Кубани переселились на Таманскій островъ, гдѣ впослѣдствіи было жительство всѣхъ кубанскихъ раскольниковъ, составлявшихъ кубанское войско крымскаго хана. Число кубанскихъ казаковъ отъ умножившихся раскольниковъ было повидимому велико, такъ какъ извѣстный Кондратій Булавинъ, сообщалъ имъ о всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ въ Донскомъ краѣ, и, когда подступилъ подъ Азовъ, посылалъ нарочныхъ „къ кубанскимъ казакамъ Савелію Пахомову съ товарищи“, чтобы они подали ему помощь противъ царскихъ войскъ. Но вѣрные донцы, провѣдавъ объ этомъ, сообщили крымскому хану, чтобы онъ названныхъ казаковъ окреанъ, развращавшихъ возмутительными дѣлами миръ царя съ султаномъ, къ Булавину не пустилъ. Ханъ, не желая вмѣшиваться въ дѣла царя Петра, запретилъ кубанцамъ и крымцамъ вмѣшиваться въ булавинское возстаніе. [34]).

---

[34]) Русскій архивъ 1894 г. № XI стр. 303. (Окреанами донцы называли тѣхъ казаковъ, которые бросивши свою родину жили между мусульманами въ Азовѣ и другихъ мѣстахъ. См. истор. опис. земли Войска Донского т. II стр. 573). Въ числѣ кубанскихъ казаковъ считались и некрасовцы, но ихъ больше на Дону звали казаки измѣнщики, или раскольщики, русскіе звали ихъ гулебщиками; одни только запорожцы называли некрасовцевъ кубанскими казаками, что подтверждается и приведенными выше офиціальными документами, подтверждающими названіе. (См. указъ военной коллегіи генералу Леонтьеву 18 сентября 1749 г. въ XVII томѣ записокъ одес. общ. истор. и древностей).



II.

Побѣгъ съ Дону на Кубань казаковъ съ Некрасовымъ. — Жизнь и дѣйствія кубанскихъ раскольниковъ.

Во время извѣстнаго булавинскаго бунта на Дону станичный атаманъ Есауловской станицы Игнатъ Некрасовъ былъ однимъ изъ выдающихся дѣятелей среди бунтовщиковъ. Булавинъ, назначивъ Некрасова полковникомъ, высоко цѣнилъ его военныя способности и поручалъ ему цѣлые отряды своихъ войскъ, для самостоятельныхъ дѣйствій противъ царскихъ отрядовъ. Районъ дѣйствій Некрасова большею частью ограничивался верхней частью Донскаго края, гдѣ онъ былъ начальникомъ обывателей всѣхъ тѣхъ поселеній на Хопрѣ, Медвѣдицѣ и другихъ запольныхъ рѣчкахъ, которые признавали надъ собою власть Булавина.

Въ то время, когда Булавинъ формировалъ свои сборныя войска на устьѣ Хопра, Некрасовъ собиралъ вольницу въ верхнихъ городкахъ и удерживалъ въ повиновеніи Булавину всѣхъ тамошнихъ жителей. Этотъ смѣлый и удалый донецъ былъ настолько замѣчательнымъ, по своимъ недюжиннымъ способностямъ, что царь Петръ нашелъ нужнымъ поручить князю Долгорукову послать противъ Некрасова особый отрядъ чтобы помѣшать его дѣйствіямъ противъ правительства. Такое распоряженіе царя помѣшало Некрасову удерживать за собой первенствующее значеніе въ верхней части Донскаго края, и потому Булавинъ, находя болѣе полезнымъ приблизить его къ себѣ, поручилъ ему пятитысячный корпусъ своихъ войскъ, для взятія Азова съ Таганрогской крѣпостью. Походъ этотъ Некрасову не удался, онъ былъ разбитъ подъ Азовомъ правительственными войсками. Послѣ того Некрасовъ бѣжалъ въ вер-

ховья Дона. Въ то же время были разбиты и другіе предводители бунтовщиковъ. Булавинъ, видя свое дѣло проиграннымъ, самъ въ отчаяніи застрѣлился въ Черкаскѣ. [35]).

Игнатъ Некрасовъ, пробираясь изъ-подъ Азова въ верхніе казачьи городки Донскаго края (въ 1708 году, еще до смерти Булавина), остановился было въ Старогригорьевской станицѣ, гдѣ донскіе казаки, не причастные къ бунту, хотѣли его схватить и передать въ руки правительства, но удалой и осторожный Некрасовъ, предупрежденный во время своими сообщниками, благодаря оплошности мѣстнаго атамана, ускакалъ далѣе вверхъ по Дону. Тамъ онъ успѣлъ сформировать отрядъ вольницы тысячъ до пяти, пошелъ съ нимъ на Волгу, ограбилъ Саратовъ и Царицынъ, разорилъ Камышинку, но не могъ уже укрѣпиться въ своихъ мѣстахъ и подчинить своей власти тамошнихъ жителей, сторонившихся булавинскаго бунта, въ виду приближенія русскихъ войскъ съ княземъ Долгоруковымъ, разорявшимъ и казнившимъ бунтовщиковъ.

Въ виду этихъ обстоятельствъ Некрасовъ понялъ, что ему не избѣжать участи Булавина, если не захочетъ живымъ отдаться въ руки правительства, гдѣ его ожидала мучительная казнь. Избѣгая того и другого, Некрасовъ бросилъ свой отрядъ, собралъ наскоро нѣсколько сотъ раскольничьихъ семействъ, и, захвативъ въ Есауловской станицѣ свою жену и дѣтей, отправился на Кубань, къ своимъ единовѣрцамъ, кубанскимъ казакамъ, гдѣ, отдавшись подъ покровительство крымскаго хана Каплань Гирея, принялъ турецкое подданство. [36])

Менѣе дальновидные, но болѣе самонадѣянные сподвижники Булавина, командовавшіе тоже отдѣльными частями его войскъ, Голый, Гаврюшка, Чернецъ и Ванюшка Драный, послѣ ухода Некрасова, собрались было въ хорошо укрѣпленной Есауловской станицѣ и рѣшились защищаться отъ наступавшаго съ царскими войсками князя Долгорукаго (брата убитаго Долгорукаго). Но послѣдній взялъ приступомъ Есауловскій городокъ и предалъ жестокой казни сопротивлявшихся бунтовщиковъ, однихъ вѣшалъ, другихъ рубилъ и трупы преступныхъ сыновъ Дона пускалъ на плотахъ по рѣкѣ на страхъ другимъ. Въ этомъ побоищѣ Голый погибъ, а Чернецъ и Драный успѣли ночью переплыть Донъ и уйти на Кубань къ своему главарю Некрасову.

---

[35]) Ригельманъ. Исторія о донскихъ казакахъ, стр. 89, 91 и 94. Голиковъ. Дѣянія Петра Великаго изд. 2 т. 3, Москва 1837, стр. 318.

[36]) Ригельманъ. Истор. донск. казак. стр. 93. Описаніе земли Войска Донского ч. II стр. 567. Броневскій. Истор. Донск. войска, ч. II. Спб. 1844 г., ст. 268—269. Журн. М. В. Д. 1844 ч. 8, статья Скальковскаго.

Когда на Дону прошла военная гроза булавинскаго бунта, то на Кубань много потянулось еще раскольниковъ изъ станицъ Голубинской, Чирской и другихъ селеній Донскаго края. Всѣхъ бѣглецовъ съ Дона на Кубань насчитывали до 8000 душъ обоего пола [37]).

По волѣ царствовавшаго тогда турецкаго султана Ахмета III, крымскій ханъ далъ всѣмъ бѣглымъ съ Дона казакамъ для поселенія земли въ низовьяхъ Кубани, на Таманскомъ полуостровѣ, между Копылемъ и Темрюкомъ, гдѣ они основали три городка: Блудиновскій, Голубинскій и Чирянскій, называвшіеся по-татарски: Себеней, Ханъ-Тюбе и Каръ-Игнатъ. Городки эти казаки укрѣпили земляянымъ валомъ и пушками, захваченными Некрасовымъ при выходѣ съ Дону. Выходившіе же послѣ того изъ Россіи и Донскаго края на Кубань раскольники, принимая имя некрасовцевъ, селились въ Ирлѣ, Зальникѣ и другихъ слободахъ при устьяхъ Кубани и на сосѣднемъ берегу Азовскаго моря. [38]).

Турецкій султанъ принялъ милостиво донскихъ выходцевъ, освободилъ ихъ отъ всякихъ податей и повинностей, за исключеніемъ воинской, которую всѣ казаки, собравшіеся на Кубани, всегда отбывали охотой безъ всякихъ обязательныхъ требованій турецкой или крымской власти.

Такія права и привиллегіи турецкіе султаны подтверждали кубанскимъ раскольникамъ военнаго сословія и впослѣдствіи особыми фирманами. Крымскіе ханы съ своей стороны уважали некрасовцевъ, любили и довѣряли имъ болѣе, чѣмъ своимъ татарамъ, за которыми казаки даже присматривали на Кубани, и въ случаѣ какого-либо волненія кубанскихъ жителей принимали мѣры къ усмиренію недовольныхъ, что ставило ихъ нерѣдко въ непріятныя отношенія къ туземцамъ, которые за это не любили пришлыхъ казаковъ и иногда такъ притѣсняли, что послѣдніе просили хана о переводѣ ихъ съ Кубани въ Крымъ. Особенно не уживались съ некрасовцами черкесы, слабо подчинявшіеся крымскому хану. Нерѣдко споры между ними доходили до вооруженнаго столкновенія, одни другихъ убивали и брали въ плѣнъ. Для выручки плѣнныхъ кубанскій сераскиръ иногда давалъ некрасовцамъ небольшую помощь, но обыкновенно ханъ въ такихъ случаяхъ предоставлялъ самимъ некрасовцамъ обороняться отъ хищныхъ горцевъ. [39]).

---

[37]) Ригельманъ. Истор. донск. казак., стр. 95, 96, 140. Смирновъ. Крымское ханство. Одесса 1889, стр. 12. „Сѣверная пчела“, 1828 г. № 106.

[38]) Историч. описъ. земли Войска Донскаго, ч. II, стр. 567. Куб. войск. архивъ. Дѣло по общей атаман. оп. 1792 г. № 161. Москов. отд. арх. гл. шт. оп. 47, каталогъ № 94, стр. 113.

[39]) Московск. отд. архив. главн. штаба. Оп. 47, св. 220, дѣло № 3, по каталогу № 1000.

При военныхъ дѣйствіяхъ Крыма съ русскими, кабардинцами и другими азіатскими народами, не повиновавшимися хану, некрасовцы всегда участвовали и считались самыми лучшими и надежными тѣлохранителями хана, составлявшими какъ бы его гвардію. Въ этихъ случаяхъ некрасовцы выставляли около 500 человѣкъ. Этотъ казачій полкъ всегда носилъ предъ своими рядами зеленое знамя. [40]).

Нужно при этомъ замѣтить, что съ тѣхъ поръ какъ Игнатъ Некрасовъ перешелъ съ донцами на Кубань, всѣ раскольники, жившіе въ Кубанскомъ краѣ, какъ прежніе казаки, такъ и послѣдующіе выходцы со стороны Россіи, въ русскихъ извѣстіяхъ именуются некрасовцами, турки же и татары называли ихъ именемъ Некрасова—игнатъ-казаками.

Почему такъ случилось, отгадать не трудно; по крайней мѣрѣ, я думаю, что тѣхъ и другихъ было меньше чѣмъ некрасовцевъ, а, быть-можетъ, еще они признали надъ собой и войсковую власть въ видѣ знамени того Некрасова, который, ставши атаманомъ надъ всѣми казаками, находившимися на Кубани, далъ случай называть всѣхъ тамошнихъ раскольниковъ некрасовцами, образовавшими, какъ увидимъ далѣе, кубанское войско. Но, пока и мы будемъ называть кубанскихъ казаковъ некрасовцами.

Спокойна и привольна была жизнь некрасовцевъ на Кубани. Они занимали лучшія мѣста на Таманскомъ островѣ. Селенія ихъ были расположены на возвышенныхъ холмахъ у береговъ Кубани, откуда была видна во всей своей прелести Закубанская черкесская сторона, съ ея зелеными лѣсами, свѣтлыми ручьями и высокими горами Кавказскаго хребта. Вокругъ самыхъ селеній разстилались плодоноснѣйшія поля съ тучными пастбищами и благодарной почвой, дававшей всегда изобильные урожаи всякаго рода хлѣбовъ. [41]).

Некрасовцы, пользуясь свободой и всѣми земельными угодьями на Кубани, безъ ограниченія, могли по своей волѣ и склонности заниматься кто чѣмъ хотѣлъ; для нихъ были открыты всѣ блага природы дѣвственнаго тогда еще Кубанскаго края, но они, какъ и вообще современные имъ казаки, не имѣли склонности къ тяжелому труду, а занимались большей частью рыболовствомъ и охотой, для чего представлялись всѣ удобства при

---

[40]) Чт. Имп. общ. истор. и древн. 1876. Іюль—Сентябрь стр. 158—159. Моск. отд. арх. главн. шт. оп. 47, св. I, стр. 143. Связ. $\frac{48}{51}$. Секретнаго Повытья, оп. 47, св. 53, дѣло № 18, по каталогу 125.

[41]) Зап. Одес. общ. ист. и древн. т. X, стр. 234.

изобиліи въ мѣстахъ ихъ жительства водъ, лѣса, степи и необозримыхъ плавней по берегамъ Кубани.

Такая роскошная жизнь некрасовцевъ соблазняла многихъ русскихъ людей къ побѣгамъ изъ своего отечества въ татарско-турецкія земли на Кубань. Въ 1727 году пронесся слухъ, что казаки верховыхъ городковъ по Хопру, Бузулуку и Медвѣдицѣ, недовольные произведенной у нихъ переписью народонаселенія и постоемъ драгунъ, забирающихъ у нихъ провіантъ, собираются всѣ поголовно бѣжать изъ Донскаго края на Кубань къ некрасовцамъ; что съ ними согласны и многіе донцы, обижавшіеся на запрещеніе свободно разъѣзжать по Донскому краю безъ паспортовъ. Бѣглый солдатъ Василій Сѣрый разсказывалъ, что приготовлявшіеся къ побѣгу донцы вошли уже въ сношеніе съ Некрасовымъ и турками, которымъ передаютъ порохъ и свинецъ, и продаютъ въ Азовъ мужиковъ и дѣвокъ. Слухъ этотъ былъ настолько серьезенъ, что верховный тайный совѣтъ, по Высочайшему повелѣнію поручилъ бригадиру Гулицу зорко слѣдить за донцами и, если дѣйствительно обнаружится ихъ намѣреніе бѣжать на Кубань, то снестись съ начальникомъ царицынской линіи генераломъ Ветераніемъ, чтобы онъ съ драгунскими полками отрѣзалъ путь бѣглецамъ и не допустилъ ихъ къ оставленію своего отечества. [42]). Такія строгія правительственныя мѣры были слишкомъ внушительны для донцовъ, если они на самомъ дѣлѣ замышляли массовый побѣгъ на Кубань; но все обошлось благополучно; волненій на Дону, на этотъ разъ, не было, да и послѣ нѣтъ свѣдѣній, чтобы съ Дону, или изъ Россіи были массовые переходы къ некрасовцамъ. Одинъ только Пугачевъ задумывалъ было усилить кубанское войско яицкими казаками, но и это не удалось. Сначала онъ самъ, возвратившись изъ польскихъ предѣловъ на Добрянскій постъ, хотѣлъ отправиться прямо на Кубань, но пріятели внушили ему преступную мысль называться царемъ Петромъ Ѳеодоровичемъ, итти на Яикъ, поднять тамъ недовольныхъ казаковъ противъ русскаго царя и потомъ итти всѣмъ яицкимъ войскомъ на Кубань и отдаться въ подданство турецкому султану, и далѣе дѣйствовать уже, смотря по обстоятельствамъ. Первую часть этого преступнаго плана Пугачевъ выполнилъ, но послѣдняя не удалась. Когда ему улыбалось счастье, тогда онъ объ уходѣ на Кубань не думалъ, а когда ему приходилось плохо, то или яицкіе казаки не хотѣли итти за неудачникомъ въ невѣдомый или далекій край, или мѣшала суровая зима, и русскія крѣпости впе-

[42]) Сборн. Имп. рус. истор. общ. т. 69. Спб. 1889 стр. 400. Московск. отд. арх. главн. шт. Секретнаго Повытья, оп. 47, кн. 263, дѣло № 39, по каталогу № 65.

реди. Послѣдняя попытка Пугачева пробраться въ Кубанскій край была въ 1774 году, когда онъ поднималъ бунтъ въ верхнихъ донскихъ городкахъ, но тутъ уже ему счастье измѣнило окончательно, и, вмѣсто привольной жизни на Кубани, о которой мечталъ Пугачевъ, онъ попалъ въ желѣзную клѣтку. [43]).

---

[43]) Щебальскій, Начало и характеръ пугачевщины. Москва, 1865, стр. 35—36, 38, 39, 113. Ригельманъ. Истор. о донскихъ казакахъ. стр. 109. Дубровинъ. Пугачевъ и его сообщники, т. I. Спб. 1884, стр. 149—151, 154, 381—388.

III.

Походъ Апраксина на Кубань. — Враждебныя отношенія некрасовцевъ къ русскимъ. — Нападенія татаръ съ некрасовцами на донцовъ и разореніе ихъ донцами и калмыками. — Отношенія некрасовцевъ къ прочимъ казакамъ Сѣвернаго Кавказа.

Во время неудачной войны Петра Великаго съ турками крымскій ханъ съ татарами и некрасовцами вторгнулся въ русскіе предѣлы, и, въ то время, когда онъ опустошалъ селенія въ Саратовскомъ и Пензенскомъ уѣздахъ, казанскій и астраханскій губернаторъ Апраксинъ, по повелѣнію Петра, соединившись съ калмыками, двинулъ отрядъ войскъ регулярныхъ и не регулярныхъ (яицкіе казаки) на Кубань, которую, какъ писалъ царь, Апраксинъ долженъ былъ „покорить или разорить“.

13 мая 1711 года Апраксинъ вышелъ изъ Казани въ кубанскій походъ Волгою до Царицына, а оттуда съ присоединившимися калмыками подъ начальствомъ сына хана Аюка Чаптержана направился прямо на Кубань степью, между Волгою и Дономъ чрезъ Азовъ.

Походъ этотъ длился очень долго. Апраксинъ пришелъ на Кубань только 29 августа, въ то время, когда на Прутѣ миръ съ турками уже былъ заключенъ. Несмотря на это Апраксинъ разорилъ всѣхъ жителей правой стороны Кубани, въ томъ числѣ и некрасовскія селенія, такъ какъ русскія войска и калмыки прошли съ огнемъ и мечемъ по берегамъ Кубани до самаго моря. Такому успѣху много способствовало отсутствіе кубанскихъ татаръ и казаковъ, находившихся тогда въ русскомъ походѣ.

Разоривъ жилища кубанцевъ, побивъ, потопивъ въ Кубани

и набравъ въ плѣнъ кубанскихъ жителей, Апраксинъ пошелъ обратно въ Россію 4 сентября, потерявъ при этомъ за все время похода 150 русскихъ и 540 калмыковъ. Брандербургъ, сообщая изъ архивнаго дѣла объ этомъ походѣ, сомнѣвается въ вѣрности цыфры погибшихъ непріятелей: значится болѣе 38 тыс. душъ кубанцевъ, Но кто же могъ сосчитать вѣрно павшихъ враговъ?

На обратномъ пути Апраксинъ получилъ свѣдѣніе, что бывшій въ Россіи отрядъ кубанцевъ, изъ 3,000 чел. и 20 мурзъ подъ начальствомъ Чанъ-Арслана возвращается уже съ 2,000 русскихъ плѣнныхъ. Противъ этого отряда Апраксинъ отправилъ впередъ калмыковъ. Эти свирѣпые монголы напали на кубанцевъ и совершенно ихъ разбили, а русскихъ плѣнныхъ освободили. Въ то время Апраксинъ съ большой добычей и плѣнными медленно двигался въ Россію. Закубанскій султанъ Нурадинъ, собравъ огромную партію изъ черкесовъ, кубанцевъ и некрасовскихъ казаковъ погнался 5 сентября за русскимъ отрядомъ, но на другой же день у рѣчки Чалы Апраксинымъ былъ совершенно разбитъ. [44]).

Послѣ такого погрома кубанцевъ крымскій ханъ Батырь Гирей жестоко отомстилъ русскимъ, разоривъ въ 1713 году поселенія Харьковской губерніи, гдѣ участвовалъ и Игнатъ Некрасовъ съ Сенькой Кобильскимъ, Сенькой Ворочъ и съ своими казаками; этотъ же атаманъ кубанскихъ казаковъ участвовалъ и въ набѣгѣ Бахты-Гирея султана съ кубанскими горцами въ 1717 году на юго-восточные предѣлы Россіи, гдѣ было множество селеній по Волгѣ, Медвѣдицѣ и Хопру разорено, а жителей побито и въ плѣнъ забрано. Смерть и огонь внесли варвары въ русскій край. Вмѣстѣ съ татарами свирѣпствовали и некрасовцы, проливая братскую кровь своихъ соотечественниковъ. Самъ Некрасовъ, предводительствуя кубанскими казаками въ татарскихъ загонахъ, не щадилъ никого и своими звѣрскими убійствами русскихъ людей вымѣщалъ злобу противъ правительства и русскаго царя за прежнія гоненія и пораженія раскольниковъ. Донской войсковой атаманъ Фроловъ и воронежскій губернаторъ Колычевъ успѣли разбить татарскія войска и прекратить страшную рѣзню русскаго народа. [45]). Ужасныя звѣрства производили кубанцы въ разоряемыхъ мѣстахъ. Минхъ разсказы-

---

[44]) „Военный Сборникъ“ 1867 г., № 3, стр. 29—48.

[45]) Сборн. Импер. рус. истор. общ., т. 25. Спб. 1878, стр. 375—376. Матеріалы воен. ученаго арх. гл. штаба, т. I, LXXX. Голиковъ. Дѣянія Петра Великаго, Т. 6. стр. 656. Труды саратовской учен. арх. комиссіи, т. II, 6, 2. Статьи Минха, стр. 265, 287. Матеріалы военно-ученаго арх. главн. штаба. Т. I, LXXX, стр. 302. LXXX, стр. 306, LXXX, стр. 310.

ваетъ, что въ слободѣ Бурацкой эти варвары захватили въ праздничный день людей въ церкви и всѣхъ молящихся вмѣстѣ съ церковнымъ зданіемъ сожгли. [46]). Угождая крымскому хану, которому служилъ заклятый врагъ русскихъ, Некрасовъ въ 1715 году послалъ цѣлую шайку шпіоновъ на развѣдки въ Донской край и украинскіе русскіе города. Человѣкъ сорокъ некрасовцевъ въ видѣ нищихъ, сборщиковъ подаяній съ иконами и въ монашеской одеждѣ пробрались въ верховья Хопра и, тамъ, шатаясь между жителями шацкой провинціи Тамбовской губерніи, высматривали расположеніе царскихъ войскъ для новаго нападенія на эту украину и подговаривали легкомысленныхъ людей на свою сторону. Во главѣ шайки шпіоновъ былъ знающій хорошо тамбовскую мѣстность тамошній бѣглый монастырскій крестьянинъ Сокинъ. Но ему не посчастливилось. Дѣйствія его съ шайкой скоро обнаружились и шпіоновъ начали вездѣ преслѣдовать и ловить, а для обороны отъ новаго нападенія некрасовцевъ съ кубанцами вездѣ въ украинныхъ городахъ и слободскихъ полкахъ были приняты строгія мѣры [47]), и Некрасовъ на этотъ разъ не рѣшился вести кубанскую орду для разоренія русскихъ украинныхъ поселеній.

По отдаленности Кубанскаго края русскіе не имѣли достаточно средствъ ходить на Кубань для наказанія тамошнихъ измѣнниковъ некрасовцевъ и хищныхъ кубанскихъ татаръ; по крайней мѣрѣ, кромѣ апраксинскаго похода больше извѣстій о кубанскихъ экспедиціяхъ въ началѣ XVIII столѣтія не встрѣчается. За то часто безпокоили ихъ калмыки. Безпокойный кубанскій султанъ Батыръ-Гирей неоднократно водилъ туда калмыковъ для возстановленія своей власти надъ тамошними народами, при чемъ неминуемо слѣдовало разореніе неповиновавшихся ему кубанцевъ. Такъ и въ 1728 году этотъ султанъ, прибывши съ калмыками въ Кубанскій край, боролся съ начальствовавшимъ тамъ Салатъ Гиреемъ и, несмотря, что у послѣдняго было около десяти тысячъ войска изъ ногайцевъ буджакской орды, черкесовъ, некрасовцевъ и крымскихъ запорожцевъ, свирѣпые калмыки загнали противниковъ за Кубань. Изъ сообщенія князя Голицына въ военную коллегію видно, что въ этомъ дѣлѣ участвовало некрасовцевъ до 600 человѣкъ и что при Игнатѣ Некрасовѣ находился и сынъ его Мишка. [48]).

Въ войну Россіи съ Турціей 1736—1739 гг. некрасовцы

---

[46]) Труды саратовскаго ученой архивн. комиссіи, т. II, 6, 2. Минхъ. Стр. 265.
[47]) Извѣстія тамбов. ученой архивн. комиссіи. Вып. XXXVII, Тамбовъ, 1893, стр. 278—280, вып. XL. Тамбовъ, 1895, стр. 14.
[48]) Московск. отд. арх. главн. штаба, опись 47, св. 44. № 102,

тоже принимали живое участіе, дѣйствуя за одно съ татарами противъ русскихъ. [49]).

Въ 1736 году донцы провѣдали, что кубанцы согнали съ кавказскихъ горъ на кубанскія степи для пастьбы множество скота, подъ прикрытіемъ сторожевыхъ постовъ. Они напали на татаръ, отбили у нихъ лошадей у постовой стражи, а потомъ пѣшихъ перебили и только изъ четырехъ ихъ мурзъ взяли одного живьемъ въ плѣнъ для разспросовъ о положеніи кубанской орды. Послѣ этого донцы, соединившись съ калмыками, пошли большими партіями на самую Кубань, разбили тамъ многіе улусы и столичный городъ кубанскаго султана Бахти Гирея, Копылъ, огражденный валомъ разорили, захвативъ въ немъ большую добычу. Съ 26 ноября до 3 декабря свирѣпствовали донцы съ калмыками въ Кубанскомъ краѣ. Въ этотъ набѣгъ кубанскіе жители въ конецъ были разорены, многіе изъ нихъ убиты, многіе потонули въ Кубани, покрытой у береговъ льдомъ, чрезъ которую кубанцы искали спасенія бѣгствомъ на другой сторонѣ рѣки; женъ и дѣтей до 10,000 взято въ плѣнъ. Одни калмыки на свою долю захватили 20,000 лошадей и множество рогатаго скота и овецъ. Эту добычу съ награбленнымъ имуществомъ кубанцевъ калмыцкій ханъ Дондукъ Омбо отправилъ въ свои улусы, а самъ съ донскими казаками намѣревался перейти за Кубань для разоренія еще тамошнихъ народовъ, но переправа чрезъ Кубань не состоялась и донцы съ калмыками возвратились въ свои мѣста. [50]).

Очевидецъ этого набѣга „кубанскаго войска, некрасовскій казакъ Наумъ Гусекъ“ разсказывалъ, что донскіе казаки съ калмыками, въ отсутствіе кубанскаго сараскира, ходившаго съ кубанцами на темиргоевскихъ черкесъ, приходили къ Кубани, „нѣсколько кубанцевъ и женъ, и дѣтей, и всякаго скота взяли, а гораздо того больше бѣжавшихъ кубанцевъ чрезъ рѣки по льдамъ обломяся потонуло, а некрасовскихъ три станицы выжегъ“. [51]).

Такое показаніе казака Гусека, снятое въ Азовѣ, въ военно-походной канцеляріи генерала Левашева, важно еще и потому, что въ первый разъ упоминается кубанское войско въ началѣ XVIII столѣтія, подъ турецкимъ владычествомъ. По словамъ Гусека, онъ убѣжалъ тогда въ Азовъ изъ кубанскаго собранія, бывшаго на рѣкѣ Челбаша, для сообщенія русскимъ, что кубанскій сераскиръ собралъ уже тысячъ около десяти вой-

[49]) Журн. М. В. Д., 1844 г., ч. 8. Скальковскій. Некрасовцы.
[50]) Московск. отд. арх. гл. штаба. Дѣло графа Дукласа, оп. 212. св. 107.
[51]) Московскаго отдѣл. архива главн. штаба. Опись 47, дѣло по каталогу № 132.

ска и намѣревается вторгнуться съ этой силой въ донскіе предѣлы, для разоренія донцовъ. [52]). Дѣйствительно, кубанскіе татары съ некрасовцами въ 1737 году двинулись массою въ Донской край. 2 мая подъѣхавъ къ Манычу, кубанцы захватили въ плѣнъ нѣсколько человѣкъ, бывшихъ тамъ донцовъ, а потомъ въ іюлѣ вмѣстѣ съ некрасовцами, бывшими подъ командою Елге-Салтана, переправившись чрезъ Донъ между Цымлянскою и Кумшацкою станицами, напали на донскія селенія. Атаманы станицъ, вооружившись съ бывшими въ домахъ отставными казаками, пушечною и ружейною пальбою отбивались отъ непріятелей; но по малолюдству казаковъ, способныхъ къ оружію, какъ доносилъ донской войсковой атаманъ Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, надѣвали на казачьихъ женокъ и взрослыхъ дѣвокъ платье казачье и выставляли таковыхъ съ ружьями противъ непріятелей. И все-таки кубанцы шесть селеній разорили, многихъ людей забрали въ плѣнъ, конскіе и скотскіе табуны угнали, а седьмую Кумшацкую станицу по почину некрасовцевъ, бывшихъ впереди татаръ, приступомъ взяли, всѣ строенія и церковь сожгли, а людей, какъ писалъ атаманъ Фроловъ, „мужеско и женско полу даже до сущаго младенца побрали въ плѣнъ и порубили“. Посланные въ погоню донскія команды ничего не могли воротить, да и посылать было некого, потому что всѣ строевые донцы находились при дѣйствовавшей противъ турокъ арміи. По произведенному исчисленію донскаго разоренія оказалось: въ плѣнъ взято обоего пола 968 душъ, убито 28 душъ, ранено 13 человѣкъ. Захвачено скота: лошадей 4,026, коровъ и телятъ 10,770, овецъ 21,900, сожжено казачьихъ домовъ 300, базовъ 350, кухонь 30, хуторовъ 8 и хлѣба 12,400 копенъ. [53]).

Получивъ такое печальное извѣстіе, Государыня дала чрезъ Сенатъ повелѣніе: „собравъ сколь можно войска донского обще съ калмыцкимъ ханомъ Дондукъ Омбо на кубанскихъ татаръ сильное нападеніе учинить и надъ оными побѣду получить“. Особою же грамотою 17 сентября 1737 года повелѣвала донскому атаману Фролову, „приключенные отъ кубанцевъ и некрасовцевъ донскимъ казакамъ разореніе и гибель людей, не запуская вдаль, осенью оружіемъ отомстить и страждущихъ въ плѣну освободить.“ [54]).

По царскому повелѣнію, въ декабрѣ донцы, соединившись съ калмыками, а также терскими и кизлярскими казаками пошли на Кубань, и тамъ на Мунтянскомъ островѣ, вблизи г. Темрю-

[52]) Тамъ же.
[53]) Тамъ же, дѣла № 18 и 19, св. 53, по каталогу № 125.
[54]) Тамъ же, дѣло № 18.

ка, разбили болѣе 1,000 татарскихъ кибитокъ, многихъ татаръ убили, а другихъ въ озерахъ и болотахъ потопили и около 1,000 душъ взяли въ плѣнъ и множество разнаго скота захватили въ добычу, но до некрасовцевъ, жившихъ въ крѣпкихъ мѣстахъ, окруженныхъ болотами, не дошли и только вплавь нѣкоторые отважные казаки съ пиками и калмыки добрались, разорили и сожгли ихъ городокъ Ханъ-Тюбе, рогатаго скота взяли около 1,000 головъ и нѣсколько некрасовцевъ убили. [55]).

Такая обоюдная вражда кубанцевъ съ донцами, помимо происходившей тогда войны съ турками, поддерживалась еще и тѣмъ, что кубанскіе казаки постоянно водили татаръ на Донъ для разоренія тамошнихъ жителей, а донскіе казаки ходили съ калмыками на Кубань опустошать татарскія и некрасовскія жилища. Послѣ послѣдняго погрома кубанцевъ въ 1737 году крымскій ханъ хотѣлъ переселить кубанскихъ жителей, въ томъ числѣ и некрасовцевъ въ Крымъ, къ озеру Сарыкось (Желтому), но послѣдніе не рѣшались оставить своихъ мѣстъ и скорѣе соглашались переходить за Кубань къ Черному морю, чѣмъ въ Крымъ. [56]). Ханъ не согласился на переселеніе некрасовцевъ за Кубань и они, по прежнему, остались на своихъ мѣстахъ, и продолжали служить крымскому хану, съ которымъ въ 1769 году ходили въ Новую Сербію и въ Запорожье, гдѣ ханъ Крымъ-Гирей захватилъ въ плѣнъ около 20 тыс. русско-подданныхъ поселянъ, много самарскихъ жителей, ихъ скота и 60 человѣкъ на пчельникахъ запорожцевъ. [57]).

Питая сильную вражду къ донцамъ и не жалѣя вообще русскаго народа, некрасовцы были въ иныхъ отношеніяхъ съ гребенцами и терцами.

Въ 1774 году крымскій калга Шахбасъ-Гирей предпринялъ походъ на Терекъ, въ которомъ участвовали и некрасовскіе казаки. Цѣль этого похода была уничтожить на Терекѣ (по моздокской линіи) русскія поселенія, стѣснявшія подвластныхъ Крыму кабардинцевъ. Калга напалъ на станицы моздокскаго полка и четыре изъ нихъ разорилъ до основанія. Разбитые терскіе казаки собрались въ одну изъ лучшихъ станицъ, Наурскую, болѣе другихъ укрѣпленную и рѣшились тамъ защищаться до самой крайности. Нѣсколько уже дней выдерживали терцы яростныя нападенія 10 тыс. толпы непріятелей и всѣми силами отражали ихъ приступы. Бывшіе среди татаръ некрасовцы избѣгали вступать съ терцами въ открытый бой, не разъ про-

---

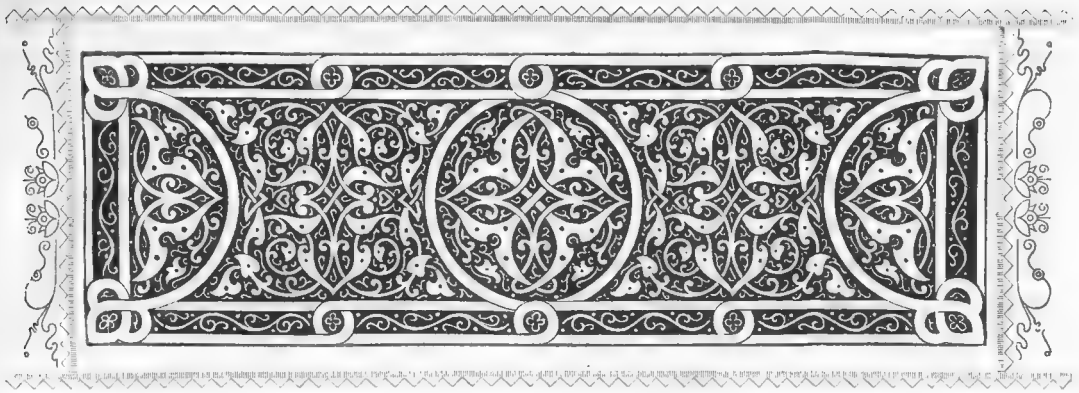
[55]) Тамъ же.
[56]) Московск. отд. главн. штаба, оп. 47, св. 130, дѣло № 1.
[57]) Труды VI археолог. съѣзда. Одесса, 1888, стр. 351. Москов. отд. арх. главн. шт., оп. 47, св. 220, дѣло № 3, по каталогу № 1000.

исходившій на самыхъ валахъ Наура, но разумѣется такъ, чтобы татары такого уклоненія отъ рукопашной схватки не замѣчали; да и трудно было замѣтить въ общей боевой суматохѣ, кто какъ бьется, среди нестройной толпы азіатцевъ. Мало этого некрасовцы, пользуясь знаніемъ русскаго языка, котораго татары не понимали, ободряли наурцевъ не падать духомъ въ ихъ осадномъ положеніи и успѣли передать, что если терцы хотя не много еще продержатся и отобьютъ послѣднія уже атаки татаръ, то послѣдніе, истощивъ свои запасы, отступятъ отъ Наура. И дѣйствительно терцы отбили послѣдніе приступы азіатцевъ, которые, отступивъ отъ Наура, ушли обратно съ некрасовцами въ Кубанскій край. [58]).

Чѣмъ можно объяснить такую симпатію кубанскихъ казаковъ къ терцамъ и глубокую ненависть ихъ къ донцамъ? Тѣ и другіе были казаки, тѣ и другіе подчинялись одному царю, тѣ и другіе имѣли между собою такихъ же раскольниковъ, какъ и некрасовцы. Мнѣ кажется отвѣтъ на этотъ вопросъ нужно искать: во-первыхъ, въ словахъ, сказанныхъ аграханцами на Сулакѣ русскому воеводѣ Басову: что они не пойдутъ на Донъ, гдѣ русскій царь насилуетъ ихъ старую вѣру. Слѣдовательно, вся злоба и ненависть некрасовцевъ къ донцамъ заключалась въ повиновеніи донцовъ царскимъ велѣніямъ преслѣдовать раскольниковъ за вѣру, какъ на своей родинѣ, такъ и за предѣлами Донского края, во-вторыхъ, въ чувствѣ благодарности за спасеніе самого Некрасова, когда онъ въ одномъ походѣ съ татарами на кабардинцевъ былъ раненъ и попался въ плѣнъ, изъ котораго его выручили гребенскіе казаки, такіе же старовѣры, какъ и некрасовцы. [59]).

---

[58]) Ржевусскій. Терцы. Владикавказъ, 1888, стр. 25—26.
[59]) Попка. Терскіе казаки. Стр. 102.



IV.

Укрѣпленіе некрасовцевъ за турецкимъ султаномъ. — Вызовы ихъ въ Россію. — Дальнѣйшіе переговоры некрасовцевъ о возвращеніи ихъ въ отечество. — Рѣшеніе этого вопроса Императрицей Екатериной II.

Когда русскіе раскольники сгруппировались на Кубани, то Петръ I, не желая изъ-за нихъ входить въ непріятныя отношенія съ турками и татарами, а можетъ быть опасаясь и вооруженнаго сопротивленія со стороны Крыма въ защиту бѣглыхъ некрасовцевъ и прочихъ кубанскихъ казаковъ, не старался силою возвращать ихъ въ свое государство, а обратился къ турецкому правительству съ просьбою о выдачѣ названныхъ бѣглыхъ раскольниковъ Россіи. Турецкій султанъ не хотѣлъ выпускать изъ своихъ земель полезныхъ ему въ военномъ отношеніи людей и отвѣчалъ Великому Петру одними только обѣщаніями. Вскорѣ началась съ турками война и кубанскіе казаки оказались весьма полезными слугами своему покровителю крымскому хану въ набѣгахъ его на русскіе предѣлы.

Неудачная для Россіи война, проигранная Петромъ на Прутѣ, воспрепятствовала этому Государю настаивать далѣе на возвращеніи кубанскихъ казаковъ Россіи. Всѣ эти бѣглецы, названные въ трактатѣ 12 іюля 1711 года казаками крымскаго хана, были оставлены на всегда затурецкимъ султаномъ. [60]). Потомъ во время войны съ турками 1735—1739 гг. былъ сдѣланъ вызовъ некрасовцевъ въ Россію. Милостивая Государыня Анна Іоанновна, прощая измѣну царю и отечеству, предоставляла этимъ бѣглецамъ прежнюю ихъ родину, но вызовъ этотъ не имѣлъ успѣ-

---

[60]) Полн. собр. зак., т. IV, № 2398. „Сѣверн. Пчела“, 1828, № 106. Пушкинъ. Изд. Анненкова, т. VI, Спб. 1855, стр. 539.

ха. [61]). Названный выше некрасовецъ Гусекъ говоритъ: „некрасовцы многіе въ Россію возвратиться желаютъ, только многіе стращая удерживаютъ и разглашаютъ: яко бы, когда возвратятся, всѣ казнены будутъ, и хотя де казнить не будутъ, то у всѣхъ старую вѣру отнимутъ и за тѣмъ итти боятся; при томъ же и кубанцы накрѣпко стерегутъ, чтобы некрасовцы не только всѣ ушли, но и за всякимъ человѣкомъ того смотрятъ, чтобы кто не уходилъ". То же самое подтверждалъ и другой некрасовскій выходецъ Яковъ Коржихинъ, поясняя, что некрасовцы состоятъ подъ командою Бахты-Гирееваго зятя Енгиса, выставляютъ въ бой вооруженныхъ казаковъ до 500 человѣкъ, и тѣхъ изъ нихъ, кто желаетъ возвратиться въ Россію, противники стращаютъ московскою висѣлицей, а иныхъ надзирающій за некрасовцами султанъ продастъ черкесамъ въ неволю. [62]).

Строгій надзоръ за поведеніемъ некрасовцевъ былъ учрежденъ самими ими и татарами въ то время, когда при вызовѣ ихъ въ Россію Государыней нѣкоторые колебались въ вѣрности хану и изъявляли согласіе возвратиться на родину, чего старые казаки, закоренѣлые враги русскихъ, совсѣмъ не желали и грозились даже, какъ говоритъ Гусекъ, при первомъ намѣреніи некрасовцевъ уходить въ Россію, разобрать ихъ по рукамъ въ плѣнъ. [63]).

Сами татары недолюбливали некрасовцевъ за излишнюю довѣренность къ нимъ хана и не рѣдко тѣснили ихъ, какъ говоритъ Скальковскій, и принуждали даже на время удаляться съ Кубани въ Крымъ. [64]).

Въ 1762 году Императрица Екатерина Алексѣевна повторила вызовъ раскольниковъ изъ-за границы въ Россію и не однихъ кубанцевъ, а и прочихъ, находившихся внѣ своего отечества, старовѣровъ, которые не имѣя понятія о силѣ законовъ русскихъ и, страшась притѣсненія или истязанія, опасались возвращаться на свою родину. Позволяя раскольникамъ безъ опасенія выходить въ Россію и селиться на свободныхъ мѣстахъ, Императрица назначила пункты на окраинахъ государства, куда они должны были являться. Со стороны Кубани такимъ пунктомъ была указана Дмитріевская крѣпость на Дону, но туда не пошли кубанскіе раскольники потому, что помимо страха быть наказанными за свою измѣну,—хотя таковая царскимъ указомъ и прощалась,—самыя условія поселенія ихъ въ Россіи не

---

[61]) „Сѣверн. Пчела", 1828 г., № 126.
[62]) Московск. отд. арх. главн. шт., оп. 47, св. 53. Дѣло № 18, по каталогу № 125.
[63]) Московск. отд. арх. главн. шт., оп. 47, по каталогу д. № 132.
[64]) Журн. М. В. Д., 1844 г., ч. 8. Скальковскаго статья „Некрасовцы".

могли быть ими приняты. Раскольникамъ, выходящимъ изъ-за границы, указывались для занятія земли пустыя въ Сибири и свободныя мѣста въ Астраханской, Оренбургской и Бѣлгородской губерніи, а о правахъ, на которыхъ вызываемые раскольники могли быть приняты на жительство въ Россіи, въ царскомъ указѣ и помину не было. [65]). Такимъ образомъ и этотъ второй вызовъ раскольниковъ для некрасовцевъ прошелъ безслѣдно.

Россія, распространяя свою власть надъ азіатскими народами на Сѣверномъ Кавказѣ, старалась всѣми мѣрами привлечь всѣхъ кубанскихъ жителей на свою сторону. Командовавшій на Кавказѣ войсками генералъ де-Медемъ, узнавши, что некрасовцамъ отъ обидъ горскихъ народовъ, бравшихъ въ плѣнъ этихъ казаковъ и задерживавшихъ ихъ торговыхъ людей, стало жить плохо на Кубани, хотѣлъ воспользоваться этимъ случаемъ для возвращенія этихъ старовѣровъ на свою родину. Съ этой цѣлью онъ съ Высочайшаго соизволенія въ 1769 году отправилъ къ некрасовцамъ письмо съ приглашеніемъ перейти для жительства въ россійскія границы на Терекъ, обнадеживая ихъ милостями Государыни Императрицы и прощеніемъ за вины предковъ ихъ. Ротмистръ Батыревъ, командированный для этого, до некрасовцевъ, жившихъ тогда въ станицахъ вблизи города Копыла, не доѣхалъ, а передалъ письмо чрезъ грека Хачераза Иванова. Но некрасовцы не только не воспользовались дозволеніемъ, а даже и отвѣта не дали на посланіе де-Медема. [66]).

Во время споровъ съ Турціей за обладаніе Крымомъ русское правительство склонило крымскаго хана отложиться отъ турецкаго султана и отдаться подъ покровительство Россіи. Въ условіяхъ по этому предмету, между прочимъ, ставилось, что некрасовцы вмѣстѣ съ кубанскими татарами останутся подъ властью хана. Соглашеніе послѣдовало и уполномоченный Россіи 7 ноября 1772 года генералъ-поручикъ Щербининъ въ Кара-су подписалъ договоръ съ крымцами. [67]).

Такимъ договоромъ некрасовцы сильно были встревожены. Они послѣ этого лишались крѣпкой защиты турецкаго султана и ставились въ непосредственную зависимость отъ крымскаго хана, который при дружественномъ отношеніи къ Россіи легко могъ ихъ выдать Екатеринѣ Великой, если бы Государыня того пожелала.

---

[65]) Указъ Императрицы Екатерины II, 14 декабря, 1762 г., напечатанный въ сборникѣ указовъ этой Государыни, издан. 1776, при Академіи Наукъ, стр. 165—169.

[66]) Москов. отд. арх. главн. шт., оп. 47, св. 220, дѣло № 3, по каталогу № 1000.

[67]) Дубровинъ. Присоединеніе Крыма къ Россіи. Спб. 1885, т. I, акты 72, 75, 86, 97.

Не желая при насильномъ переходѣ подъ русскую державу лишиться вольныхъ правъ и привиллегій казачьихъ, предоставленныхъ некрасовцамъ турецкимъ султаномъ, они рѣшились просить позволенія у русской власти воротиться на Донъ, если имъ будутъ дарованы Государыней прощеніе за оставленіе своего отечества и прочія вины противъ русскихъ монарховъ, а также и права казаковъ войска Донского.

Такое заявленіе кубанскихъ раскольниковъ, сдѣланное ими чрезъ князя Долгорукова, сразу принято не было, а поступило предварительно на разсмотрѣніе въ государственный совѣтъ, который, обсудивъ этотъ вопросъ въ засѣданіи 29 іюля 1773 года, нашелъ, что возвращеніе некрасовцевъ въ предѣлы Россіи можетъ быть полезно тѣмъ, что уничтожится на Кубани пристанище для бѣглыхъ съ Дона казаковъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ призналъ невозможнымъ предоставить имъ для поселенія прежнія мѣста ихъ жительства въ Донскомъ краѣ, а указывать привольныя земли для некрасовцевъ далѣе отъ русскихъ границъ на Волгѣ, за плечами донскихъ поселеній. [68]).

Нечего и говорить, что такія условія некрасовцами приняты не были, и они попрежнему остались на Кубани; тѣмъ болѣе, что турки начинали съ русскими войну и для некрасовцевъ открывался новый вопросъ: кому они послѣ войны достанутся.

Въ 1774 году война съ турками была окончена, но некрасовцы подъ турецкую власть не попали, а остались по кучукъ-кайнарджійскому договору за крымскимъ ханомъ, который признавался независимымъ владѣльцемъ Крыма и кубанскихъ народовъ, въ томъ числѣ и некрасовцевъ.

Послѣ этого кубанскимъ раскольникамъ оставалось выбирать два исходныхъ пункта своего положенія: или остаться на мѣстѣ и ожидать конца разлагавшагося крымскаго ханства, клонившагося въ русскую сторону, или уходить съ кубанскихъ земель въ турецкіе предѣлы, подъ державу турецкаго султана, который не выдастъ ихъ русскимъ,—чего можно было ожидать отъ крымскаго хана. То и другое признавалось неудобнымъ. Въ это время партія благонамѣренныхъ кубанскихъ казаковъ рѣшилась еще разъ обратиться къ русскому правительству съ просьбою разрѣшить добровольный переходъ въ Россію.

Въ 1775 году некрасовцы начали хлопотать чрезъ графа Румянцева о дарованіи имъ прощенія русской Монархини, за измѣну Россіи и о поселеніи ихъ на прежнихъ мѣстахъ жительства Донского края; если же и послѣ этого, какъ говорили они,

---

[68]) Архивъ государств. совѣта, т. I, Спб. 1869, стр. 254—255.

признается невозможнымъ перейти имъ на Донъ, то дать имъ мѣста для жительства около пограничныхъ русскихъ крѣпостей. Такую просьбу некрасовцевъ Румянцевъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ того же года представилъ на Высочайшее усмотрѣніе. Государыня и на этотъ разъ прошеніе некрасовцевъ передала на разсмотрѣніе въ Государственный Совѣтъ.

Обсужденіе столь важнаго заявленія кубанскихъ раскольниковъ было отложено на время до пріѣзда въ Петербургъ генерала Щербинина, когда же и Щербининъ подалъ записку отъ себя о томъ же желаніи некрасовцевъ перейти на русскую пограничную территорію, то Государственный Совѣтъ разсудилъ такъ: переселеніе некрасовцевъ въ предѣлы Россіи будетъ нарушеніемъ съ нашей стороны заключеннаго съ Крымомъ трактата, по которому послѣдовало соглашеніе объ оставленіи некрасовцевъ на Кубани подъ властью крымскаго хана; что переходъ некрасовцевъ въ Россію не можетъ быть полезнымъ и для самого государства, по склонности ихъ къ своевольству и настоянію о поселеніи ихъ на южныхъ русскихъ границахъ цѣлымъ обществомъ, находящимся на Кубани. На основаніи такихъ соображеній Государственный Совѣтъ 19 іюня рѣшилъ объявить некрасовцамъ, что одновременный переходъ ихъ съ Кубани въ Россію, по существующимъ съ крымскимъ ханомъ договорамъ не возможенъ; но они, если желаютъ, могутъ переходить частями и селиться внутри Имперіи, гдѣ имъ будутъ отведены и земли въ достаточномъ количествѣ. [69]).

Такого предложенія некрасовцы не приняли и еще больше ожесточились на русское правительство, отвергшее ихъ желаніе возвратиться въ свое отечество, не теряя казачьяго своего званія.

Тѣмъ временемъ вспыхнулъ мятежъ въ Крыму и на Кубани. Отряженные Довлетъ-Гирей ханомъ Орбей-Гирей и Токтамыкъ-Гирей султаны съ отрядомъ изъ крымцевъ, адинцевъ, таманскихъ янычаръ, черкесовъ, ногайцевъ и некрасовскихъ казаковъ при двухъ пушкахъ разбили пятисотенный отрядъ приверженнаго Россіи Калги Шагинъ-Гирей Салтана и до 300 человѣкъ бешліевъ убили, ранили и въ плѣнъ взяли, въ числѣ послѣднихъ захваченъ былъ и самый виновникъ бунта Шагинъ-Гирей султанъ, соперникъ Девлетъ-Гирея. [70]).

Для возстановленія спокойствія въ крымскихъ владѣніяхъ и доставленія случая Шагинъ-Гирей султану завладѣть крымскимъ престоломъ Императрица Екатерина II двинула свои вой-

---

[69]) Тамъ же, стр. 311—312.
[70]) Записки Одесск. Общ. Ист. и Древн., т. XVII, стр. 92—110.

ска въ Крымъ и заняла весь Кубанскій край. Бригадиру Бринку было поручено стараться всѣми возможными мирными средствами склонить ногайскихъ мурзъ къ признанію ханомъ названнаго Шагинъ-Гирея.

Подъ внушительной силой русскихъ штыковъ, пикъ и сабель удалыхъ донцовъ, да блестящихъ червонцевъ на придачу, мурзы съ ногайцами стали на сторону русскихъ предложеній; одни только некрасовцы держались турецкой стороны и, несмотря на старанія Бринка, исполнявшаго повелѣнія графа Румянцева, ни за что не хотѣли признавать Шагинъ-Гирея своимъ ханомъ—подъ русскимъ покровительствомъ. Они не только не отзывались на разосланныя въ 1776 году Бринкомъ увѣщательныя письма всѣмъ кубанскимъ народамъ о признаніи Шагинъ Гирея ханомъ, но еще имѣли явное намѣреніе задержать самого Бринка, когда онъ шелъ съ русскимъ отрядомъ для занятія Таманскаго полуострова. [71]).

Захвативший было, по старанію Оттоманской Порты, крымскій престолъ Девлетъ-Гирей слалъ строгія повелѣнія некрасовцамъ не слушать русскаго ставленика Шагинъ-Гирея, расточающаго лестныя слова объ отторженіи ихъ съ крымскими владѣніями отъ Блистательной Порты въ московское рабство, а оставаться вѣрными турецкому султану и законной власти отъ него въ Крыму установленной. Некрасовцы оставались вѣрными и преданными туркамъ, слушали Девлетъ-Гирея и всѣми силами противились Шагинъ-Гирею, склоняя къ такому же неповиновенію и другихъ кубанцевъ.

Покуда Девлетъ-Гирей разсылалъ по Кубанскому краю грозныя свои письма о неповиновеніи Шагинъ-Гирею, этотъ изгнанникъ съ помощью бригадира Бринка бралъ турецкія крѣпости на Кубанской землѣ. Первою сдался Азовъ, за нимъ Темрюкъ, оставалась Тамань, въ которой дольше всѣхъ держался турецкій комендантъ Орду Агаси Сулейманъ, съ своимъ гарнизономъ, но и онъ при дѣятельномъ пособіи братьевъ Шагина-Батыръ и Арсланъ-Гиреевъ и бринковскихъ червонцевъ вышелъ изъ крѣпости, посадилъ своихъ турокъ на суда и удалился въ Турцію. Послѣ этого весь Таманскій полуостровъ былъ въ рукахъ Шагинъ-Гирея, и кубанцы признали его своимъ ханомъ. Одни только некрасовцы противились и держались еще Турціи, они выказывали замѣтное намѣреніе удалиться въ турецкую сторону, чтобы только не быть подъ властью новаго хана, возведеннаго на крымскій тронъ ненавистной имъ Россіей.

---

[71]) Дубровинъ. Присоединеніе Крыма къ Россіи, т. I, акт. 86. 97. Военно-ученый архивъ гл. штаба, I отд., дѣло № 133, 145, 149.

Для удержанія некрасовцевъ на Кубани Шагинъ-Гирей просилъ содѣйствія Бринка, но тотъ не рѣшился употребить противъ нихъ силу русскаго оружія, а донесъ объ этомъ князю Прозоровскому, находившемуся тогда въ Крыму, куда отправился изъ Тамани и самъ ханъ Шагинъ-Гирей, ввѣривъ главное управленіе на Таманскомъ полуостровѣ, надъ подчиненными Крыму народами брату своему Батыръ-Гирею, а наблюденіе надъ кочевниками въ Кубанскомъ краѣ, ногайцами поручивъ сераскиру Арсланъ-Гирею (другому брату) и Гаджи-Гирей султану, жившему за Кубанью между темиргоевскими черкесами, считавшимися вмѣстѣ съ другими азіатскими племенами въ зависимости отъ Крыма. [72]).

Жившіе на Кубани некрасовцы были весьма вредны. Они мало того что принимали къ себѣ бѣглыхъ изъ Россіи раскольниковъ, а особенно выходцевъ изъ Донского края, но еще волновали противъ русскаго правительства всѣ азіатскіе народы, въ Кубанскомъ краѣ находившіеся; нѣкоторыя ногайскія орды, чрезъ ихъ подстрекательство, съ появленіемъ русскихъ войскъ, для водворенія спокойствія въ этомъ краѣ, ушли за Кубань. Болѣе всего политическое значеніе некрасовцевъ, того времени, извѣстно было начальствовавшему надъ русскими войсками въ Кубанскомъ краѣ бригадиру Бринку и атаману войска Донского, Иловайскому. Они, несмотря на отрицательныя петербургскія рѣшенія, хлопотали о возвращеніи въ Россію некрасовцевъ; принимали въ этомъ участіе графъ Румянцевъ, князь Прозоровскій и даже самъ свѣтлѣйшій Потемкинъ Таврическій. Для доставленія письменнаго увѣщанія некрасовцамъ былъ назначенъ съ Дона опытный премьеръ-майоръ Василій Зазерскій, для котораго атаманъ Иловайскій испрашивалъ у князя Потемкина золотую медаль, на пожалованіе которой князь еще прежде далъ согласіе. Нужно думать, что Зазерскій былъ самъ прежде некрасовцемъ, и потому Иловайскій разсчитывалъ, что когда онъ покажется съ этой медалью на Кубани, то некрасовцы убѣдятся, что русское правительство не только не повѣсило его, но еще наградило такимъ дорогимъ знакомъ монаршаго вниманія. Этой наградой Зазерскій могъ прельстить некрасовскихъ казаковъ и побудить ихъ возвратиться на родину; кромѣ Зазерскаго Иловайскій посылалъ еще для переговоровъ съ ними полковника Барабанщикова; но всѣ эти хлопоты не имѣли желанныхъ результатовъ. Некрасовцы слишкомъ уже были озлоблены на русское правительство за отвергнутыя ихъ самихъ желанія воз-

[72]) Тамъ же, акты 97, 119, 145, 146, 152. Саковичъ. Историческое обозрѣніе дѣятельности графа Румянцева (журн. „Русская Бесѣда“, 1858 г., т. III).

вратиться въ Россію. Быть можетъ, они согласились бы еще и теперь на вызовъ Иловайскаго, если бы имъ были предоставлены желанныя для поселенія на южныхъ границахъ Россіи мѣста и предоставлено казачье званіе; но жить внутри Россіи и отбывать солдатчину, послѣ вольной кубанской жизни, они ни за что согласиться не могли; да и напрасныя были хлопоты донского атамана, послѣ послѣдовавшаго уже извѣстнаго рѣшенія Государственнаго Совѣта, не считавшаго возможнымъ принимать въ подданство принадлежавшихъ другому государству людей; но онъ надѣялся на князя Григорія Александровича, который не находилъ препятствій къ возвращенію некрасовцевъ въ Россію. Поддерживая Иловайскаго, Потемкинъ представилъ Государынѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ въ 1777 году слѣдующій докладъ: „Некрасовцы не принадлежатъ Портѣ, а если бы и принадлежали, то принятіе ихъ пока въ Россію позволительно, взамѣнъ того, что турки запорожцевъ, почти больше противъ ихъ числа приняли по заключеніи уже мира. Если жъ некрасовцы принадлежатъ хану, то весьма убѣдительные резоны есть къ склоненію самого хана согласиться на ихъ выходъ въ Россію и можно князю Прозоровскому такъ приняться хорошо, что самъ ханъ просить о семъ будетъ. Дѣло сіе большой пользы". Дѣйствительно. Прозоровскій легко могъ бы уговорить хана уступить Россіи не повиновавшихся ему некрасовцевъ, но Екатерина II была другого мнѣнія: она держалась взгляда на это дѣло Государственнаго Совѣта. Реляціей на докладъ князя Потемкина Ея Величество высказала мнѣніе, что не желаетъ заводить хлопотъ съ Оттоманскою Портою, если некрасовцы ей принадлежали, а если ими владѣлъ ханъ крымскій, то его не хотѣла обижать переводомъ крымскихъ подданныхъ въ Россію. [73]).

Въ виду такого Высочайшаго мнѣнія, заведенные на Кубани переговоры съ некрасовцами пріостановились. Послѣдній разъ въ маѣ 1777 года некрасовскій атаманъ съ стариками, пріѣхавши въ Тамань, высказывался, что некрасовскіе казаки, получая отъ Батыръ-Гирея свѣдѣніе, что будто бы Шагинъ-Гирей не утвержденъ въ ханскомъ достоинствѣ, пришли въ сомнѣніе и не знаютъ, какой имъ держаться стороны. Въ виду этого нѣкоторые изъ некрасовскихъ стариковъ по секрету говорили агенту бригадира Бринка, что они не прочь были бы при тогдашнихъ обстоятельствахъ возвратиться въ русскіе предѣлы, если бы имъ было прощеніе отъ царицы за прежніе ихъ поступки противъ Россіи; но князь Прозоровскій, получивъ объ этомъ донесеніе,

---

[73]) Сборн. Имп. Рус. Истор. Общ., т. 27. Спб., 1880, стр. 128—129. Сборн. военно-истор. матер. Дубровина. Вып. VI. Спб., 1893, № 94.

отклонилъ такое ихъ желаніе и предписалъ Бринку стараться только объ одномъ, чтобы некрасовцы признали надъ собою власть хана Шагинъ-Гирея. [74]).

Такъ изъ всѣхъ хлопотъ со стороны русскихъ и некрасовцевъ о возвращеніи ихъ въ Россію ничего не вышло. Некрасовцы остались попрежнему на Кубани, но жизнь ихъ тамъ уже была для нихъ тягостна; они не хотѣли повиноваться хану, отдавшемуся отвергнувшей ихъ Россіи; а ханъ не могъ терпѣть непокорныхъ кубанскихъ казаковъ.

---

[74]) Военно-ученый архивъ главн. штаба, по I отд., дѣло № 149.

V.

Переходъ некрасовцевъ съ Кубани въ турецкіе предѣлы. — Жизнь некрасовцевъ въ Турціи. — Участіе ихъ въ военныхъ дѣйствіяхъ турокъ противъ русскихъ.

Когда русскіе, для поддержанія хана Шагинъ-Гирея на крымскомъ престолѣ, заняли Таманскій полуостровъ и прочно утвердились въ Кубанскомъ краѣ, некрасовцы не захотѣли дольше жить на Кубани. Избравши изъ среды себя довѣренныхъ лицъ, они отправили ихъ въ Константинополь съ прошеніемъ къ турецкому султану о позволеніи имъ переселиться въ турецкую имперію. Само собой разумѣется, что некрасовцы отказа въ Блистательной Портѣ не встрѣтили и послы ихъ съ полнымъ успѣхомъ возвращались Чернымъ моремъ на Кубань. Цѣль путешествія ихъ была извѣстна командовавшему войсками на Кубани Бринку, по распоряженію котораго таманскій комендантъ Макаровъ при входѣ изъ моря въ устье Кубани судна некрасовскихъ пословъ—не пропустилъ. Они повернули назадъ и успѣли достигнуть своей колоніи окольнымъ путемъ, находившимся внѣ русскаго надзора. Въ это время было получено извѣстіе о намѣреніи некрасовцевъ перейти въ турецкія владѣнія. Ханскій намѣстникъ Батыръ-Гирей и таманскій каймаканъ обратились за помощью къ Бринку, чтобы общими силами, съ ихъ и русской стороны, воспрепятствовать уходу некрасовцевъ изъ крымскихъ владѣній. Бринкъ принялъ предложеніе. Для наблюденія за некрасовскими селеніями и предупрежденія выхода съ Кубани водою въ Черное море онъ назначилъ два русскіе бота, которые начали крейсеровать по Кубани къ сторонѣ некрасовскихъ поселеній и безъ билета таманскаго коменданта никого изъ Кубани въ море не пропускали. Некрасовцы стали подъѣзжать на своихъ лодкахъ къ устьямъ

Кубани какъ бы на рыбную ловлю, на самомъ же дѣлѣ съ цѣлью захватить сторожевыя русскія суда, но это имъ не удалось. Слѣдя за некрасовцами, Бринкъ узналъ, что у нихъ для выхода изъ Кубани въ море есть еще другой путь, чрезъ подходившій къ рѣкѣ изъ моря заливъ, въ который легко можно было перетащить легкія суда чрезъ сухую полосу, а потому для пресѣченія выхода некрасовцевъ этимъ путемъ поставленъ былъ тамъ русскій пикетъ. Этими мѣрами у некрасовцевъ отымалась возможность свободнаго сообщенія съ моремъ посредствомъ Кубани.

Около этого времени поднялись волненія въ Кубанскомъ краѣ; въ нихъ былъ замѣшанъ и самъ ханскій братъ Батыръ-Гирей. Ханъ, приписывая причину смутъ некрасовцамъ, отказавшимся повиноваться ему, рѣшился совсѣмъ ихъ истребить, но князь Прозоровскій, считая такое намѣреніе безчеловѣчнымъ, посовѣтывалъ Шагинъ-Гирею лучше перевести некрасовцевъ на другое мѣсто, а селенія ихъ занять русскими войсками. Ханъ изъявилъ на это свое согласіе, и расправа съ непокорными некрасовцами чрезъ Прозоровскаго была поручена бригадиру Бринку. Для этого ханъ послалъ изъ Крыма на Кубань особую экспедицію съ своимъ фирманомъ, которымъ обвинялъ некрасовцевъ въ томъ, что они не подчинились его ханской власти, не дали ему на вѣрность присяги, принимали къ себѣ бѣглецовъ, недовольныхъ ханскимъ правленіемъ, подговаривали абазинцевъ и другіе горскіе народы напасть на русскія войска, волновали покорныхъ крымскому владѣтелю таманскихъ жителей и вообще дѣйствовали враждебно противъ самого хана. За такія вины и вѣроломство ханъ фирманомъ повелѣвалъ переселить некрасовцевъ со всѣмъ движимымъ имуществомъ изъ Кубани въ Крымъ, а тѣхъ, кто будетъ сопротивляться ханской волѣ, велѣлъ лишить жизни и имущества, а женъ и дѣтей ихъ насильно отправить въ Крымъ.

17 сентября 1777 года приступлено было къ выполненію грозныхъ повелѣній крымскаго хана. Для этого полковникъ Гонбомъ съ частью войскъ, отдѣленныхъ изъ верхнихъ кубанскихъ кордоновъ, двинулся на некрасовцевъ, со стороны рѣчки Курки, чрезъ камыши и болота, а Бринкъ съ другой частью войска выступилъ изъ Темрюка къ тѣмъ же некрасовцамъ. Обойдя ночью форсированнымъ маршемъ Темрюкскій лиманъ, Бринкъ на разсвѣтѣ приблизился къ некрасовскимъ селеніямъ; туда же вслѣдъ за ними подоспѣлъ и Гонбомъ. Не доходя 8 верстъ, Бринкъ послалъ некрасовцамъ ханскій фирманъ, который некрасовцы приняли, но исполнить отказались и объявили, что скорѣе умрутъ, чѣмъ исполнятъ волю хана. Тогда Бринкъ

продолжалъ наступленіе на некрасовскія селенія, но нашелъ ихъ уже пустыми. Одна часть жителей бѣжала въ камыши, другая, нагрузивъ свое имущество на лодки, плыла вверхъ по Кубани, но встрѣченная пушечными выстрѣлами Гонбома бросила свое имущество въ воду, а сами вплавь укрылись въ камышахъ. Изъ переправившихся на лѣвую сторону Кубани некрасовцевъ много было перебито изъ русскихъ орудій, уцѣлѣли только тѣ, которые ушли изъ селеній за Кубань, наканунѣ приступа русскихъ войскъ, и отплыли въ Кубанскій лиманъ. Послѣдніе намѣревались пройти Чернымъ моремъ къ турецкой крѣпости, но увидѣвъ, что устье Кубани охранялось нашими судами, высадились на Кубанскую стрѣлку и удалились въ черкесскую землю.

Посланная ханомъ изъ Крыма экспедиція и движеніе отряда Бринка, веденные секретно, не укрылись отъ некрасовцевъ. Они были предупреждены наканунѣ погрома дружившими съ ними татарами, сообщившими какъ намѣренія хана, такъ и движенія Бринка. Получивъ такое страшное извѣстіе, некрасовцы не стали долго раздумывать и тотчасъ же большую часть своего скота, имущества и всѣ семейства переправили за Кубань, Цѣлую ночь кипѣла работа у кубанскихъ раскольниковъ. Все было вывезено изъ селеній, что можно было забрать на лодки, и къ утру, когда появились русскія войска, они застали только кое-кого изъ остальныхъ некрасовцевъ, омывшихъ на прощаньи своей кровью берега гостепріимной и нѣкогда вольной Кубани. [75]) По собраннымъ генераломъ Суворовымъ справкамъ, перешло за Кубань некрасовцевъ одного мужескаго пола до 3,000 душъ, изъ которыхъ строевыхъ казаковъ было около 800 человѣкъ. [76]).

Въ слѣдующемъ 1788 году часть кубанскихъ некрасовскихъ казаковъ отправилась моремъ въ Добруджу и тамъ поселилась на Дунавцѣ, въ 10 верстахъ отъ впаденія этой рѣчки въ Дунай, въ сосѣдствѣ съ турецкими запорожцами. [77]). Остальные, перешедшіе за Кубань некрасовцы остановились въ черкесскихъ земляхъ, принадлежавшихъ поколѣнію Шегаки, между р. Заны и Чернымъ моремъ. Тамъ они построили себѣ городокъ, въ 200 шагахъ отъ морского берега, противъ выходящей изъ устья Кубани косы, между горами въ лѣсу, вблизи Анапы. Городокъ этотъ некрасовцы обнесли засѣкою для защи-

---

[75]) Военно-истор. арх. гл. штаба по I отд. Дѣло № 149. Сборн. воен. истор. матер. Дубровина. Вып. VI актъ 183, 215. Саковичъ. Истор. обзоръ дѣятельности гр. Разумовскаго, ст. 83—84.

[76]) Военно-истор. арх. главн. штаба, по 1 отд. № 154.

[77]) Тамъ же, дѣло № 168, листъ 73.

ты отъ горцевъ въ случаѣ ихъ нападенія, а имѣвшіеся у нихъ небольшія лодки и четыре думбаса для сохраненія отъ крейсеровавшей въ тѣхъ мѣстахъ русской флотиліи некрасовцы вытянули на сухой берегъ и берегли для дальнѣйшаго похода. Для караула же отъ внезапнаго нападенія черкесовъ или русскихъ некрасовцы учредили посты близъ своего городка. [78]). Волей-неволей некрасовскіе казаки вошли въ союзъ съ черкесами и въ декабрѣ мѣсяцѣ на своихъ судахъ вмѣстѣ съ горцами участвовали въ нападеніи на русскій постъ при устьи Кубани. Здѣсь они были отбиты съ урономъ капитаномъ Заковымъ, при помощи ханскихъ бешліевъ. [79]).

Прибывшій въ январѣ 1778 г. на Кубань на мѣсто Бринка генералъ Суворовъ, обозрѣвая правую сторону Кубани, съ намѣреніемъ устроить укрѣпленія и тѣмъ воспрепятствовать закубанскимъ горцамъ нападать на преданныхъ Шагинъ-Гирею людей Кубанскаго края, не нашелъ уже никого изъ некрасовскихъ людей въ селеніяхъ ихъ, находившихся на правой сторонѣ Кубани. Но исполняя волю фельдмаршала графа Румянцева-Задунайскаго, онъ принималъ мѣры къ возврату бѣглыхъ раскольниковъ въ русскіе предѣлы. Сначала онъ устроилъ личные переговоры съ некрасовцами чрезъ Кубань,—вызывая ихъ обратно въ покинутые ими свои селенія, [80]), и, когда они на это предложеніе не согласились, то полковникъ Кульбаковъ, стоявшій съ донскимъ полкомъ по кубанской границѣ, послалъ за Кубань искусныхъ казаковъ уговаривать некрасовцевъ, чтобы они воротились въ русскую землю, обнадеживая ихъ прощеніемъ и милостью Государыни. Некрасовцы потребовали отъ пословъ предъявленія указа царицы, именемъ которой они ихъ вызывали; а когда послы отозвались, что они такого указа у себя не имѣютъ, то некрасовцы заковали ихъ въ желѣза и продали закубанскимъ горцамъ въ рабство.

Желая получить болѣе обстоятельныя свѣдѣнія о некрасовцахъ, полковникъ Гонбомъ послалъ отъ себя за Кубань еще одного вѣрнаго и преданнаго русскимъ татарина, поручивъ уговорить некрасовцевъ, чтобы они прислали нѣсколько своихъ старшинъ въ Екатерининскую крѣпость, гдѣ стоялъ Гонбомъ, для переговоровъ на счетъ возврата ихъ въ Россію. Но некрасовцы и этого татарина схватили и заковали въ цѣпи, а къ Гонбому не пошли. Между тѣмъ, какъ бы въ насмѣшку надъ этимъ полковникомъ, они пришли большою партіею къ Кубани

---

[78]) Московск. отд. арх. гл. штаба оп. 194 св. 84. № 2, „Сѣверн. Пчела“.
[79]) Тамъ же, оп. 194, св. 106, № 6, по каталогу вып. III, № 106.
[80]) Военно-истор. арх. гл. штаба, по I отд., дѣло № 154.

и остановились противъ самой Екатерининской крѣпости и начали ловить рыбу. Тогда Гонбомъ отрядилъ полковника Кульбакова съ достаточной командой чрезъ Кубань для дружескихъ переговоровъ съ некрасовцами, и поручилъ, если представится возможность, захватить нѣсколькихъ раскольниковъ, намѣреваясь отослать ихъ донскому войсковому атаману. Кульбаковъ, подъѣхавъ къ лѣвому берегу Кубани, сталъ звать къ себѣ некрасовцевъ, а некрасовцы звали къ себѣ донцовъ. Тогда Кульбаковъ послалъ нѣсколько отважныхъ казаковъ для наблюденія въ камыши. Некрасовцы это замѣтили и сейчасъ же, окруживъ посланныхъ донцовъ, начали по нимъ стрѣлять изъ ружей. Кульбаковъ, выручая своихъ, послалъ къ нимъ на помощь еще команду и завелъ съ непріятелями жестокую перестрѣлку, при чемъ два донца были ранены, а у некрасовцевъ двое убито и до десяти ранено; а также убито нѣсколько человѣкъ и абазинцевъ, бывшихъ вмѣстѣ съ некрасовцами. Не видя никакой пользы въ дальнѣйшей перестрѣлкѣ, Кульбаковъ вернулся на свою сторону.

Не теряя надежды добиться отвѣта отъ некрасовцевъ, Гонбомъ, посадивъ на корабль знакомаго некрасовцамъ въ прежнее время капитана тамбовскаго пѣхотнаго полка Фалькейклага, приказалъ отправиться моремъ къ некрасовскому городку, вызвать оттуда ихъ старшинъ на переговоры и узнать настоящее ихъ намѣреніе насчетъ возвращенія въ Россію. Но едва этотъ посолъ подъѣхалъ къ берегу, какъ некрасовцы встрѣтили его пушечными выстрѣлами и ружейными пулями. Фалькейклагъ не рѣшился высаживаться на берегъ, откуда летѣли ядра и картечь, и возвратился назадъ безъ всякаго успѣха.

Послѣ такихъ безполезныхъ попытокъ кубанскихъ кордонныхъ начальниковъ сблизиться съ некрасовцами для переговоровъ, полковникъ Кульбаковъ писалъ донскому войсковому атаману генералу Иловайскому, что некрасовцы не только сами злодѣйствуютъ, но и другіе народы къ тому наводятъ, (разумѣя, конечно, черкесовъ); ни раскаянія ихъ въ этихъ злодѣйствахъ, ни желанія возвратиться въ Россію не предвидится, въ чемъ удостовѣрилъ выбѣжавшій отъ некрасовцевъ донской казакъ, взятый некрасовцами въ плѣнъ, при переправѣ чрезъ Кубань Батырь-Гиреева посланца. Кульбаковъ считалъ некрасовцевъ не христіанами, а закоренѣлыми безбожными разбойниками; а Гонбомъ не находилъ другихъ средствъ справиться съ ними какъ только силою орудія. Высшее начальство однако не было склонно прибѣгать къ насильственнымъ мѣрамъ противъ некрасовцевъ и все стараніе употребляло склонить этихъ заблудшихъ сыновъ Дона къ возвращенію въ прежнее свое отечество.

По предложенію генерала Суворова, атаманъ Иловайскій 8 мая 1788 года обратился къ некрасовцамъ съ слѣдующимъ воззваніемъ:

„Ея Императорскаго Величества Всепресвѣтлѣйшей Государыни Императрицы Екатерины Алексѣевны Самодержицы Всероссійской и проч. и проч. и проч. Командующій надъ войскомъ донскимъ войсковой атаманъ со всѣмъ войскомъ донскимъ

Жительствующихъ въ кубанской сторонѣ некрасовскихъ казаковъ почтенному господину войсковому атаману и всѣмъ прочимъ господамъ чиновникамъ, старшинамъ и атаманамъ молодцамъ

Объявляетъ.

Вѣдая довольно, что въ прошедшее время предки ваши по нѣкоторымъ тогдашнимъ неспокойнымъ обстоятельствамъ, склонясь на вредный одного бездѣльнаго и отъ должной казни избѣгающаго казака Игната Некрасова подговоръ, удалились изъ природнаго своего отечества и нашего донского общества въ противную кубанскую сторону и протекцію. Сожалѣю о томъ со всѣмъ войскомъ донскимъ, по самой справедливости, и ревности желая, чтобъ вы при нынѣшнихъ вашихъ и кубанскихъ неполезныхъ обстоятельствахъ, вспомня природную свою Государыню и отечество для лучшей выгоды и пользы вашей согласились добровольно возвратиться изъ иновѣрной и Христоненавистной страны со всѣми семействами вашими по прежнему настоящаго отечества вашего въ православную всероссійскую имперію, имѣю случай по чести и присяги моей удостовѣрить васъ, что вы симъ вашимъ самопроизвольнымъ въ Россію возвращеніемъ не только можете похвально загладить учиненный предками вашими предъ Богомъ и отечествомъ проступокъ, но и удостоиться Высочайшаго Ея И. В. прощенія и ко всѣмъ вамъ Высокомонаршей милости каковою по премудрому и прозорливому Ея И. В. о всѣхъ своихъ вѣрно-подданныхъ неусыпному попеченію, въ числѣ прочихъ, имѣю счастье со всѣмъ ввѣреннымъ мнѣ въ начальство войскомъ донскимъ пользоваться и я, противъ прежняго весьма превосходнѣйше. О чемъ, уповательно, и самимъ вамъ есть уже довольно свѣдомо. А дабы вы о всемъ вышеприписанномъ тожъ и о прочемъ возымѣли утвердительнѣйшее вѣроятіе и понятность еще и на словахъ, а при томъ и положить, если возжелаете, касательное до переходу и поселенія вашего въ Россіи потребное вамъ условіе и договоры, того дня отправлены отъ меня и отъ всего донского войска съ симъ къ вамъ почтеннымъ господамъ войсковому атаману, старшинамъ, старикамъ и всѣмъ атаманамъ молодцамъ на-

рочные и довѣренные наши войсковые господа старшина и отъ арміи премьеръ-майоръ Яковъ Зазорсковъ и походный есаулъ Тимофей Харитоновъ, съ которыми и можете вы о всемъ до васъ подлежащемъ объясняться чистосердечно, не сумлѣваясь ниже и малѣйшей опасности и притязанія сколь же скоро добронамѣренно согласитесь вы къ похвальному какъ выше значить переходу, а въ Россіи гдѣ пожелаете поселенію, то не теряя не мало времени старайтесь всемѣрно изъ нынѣшнихъ вашихъ мѣстъ со всѣмъ вашимъ семействомъ выйти и слѣдовать безъ всякаго опасенія къ россійскимъ границамъ безъ замедленія; потребный же на продовольствіе ваше провіантъ отпускаться вамъ будетъ по тракту изъ магазейновъ, а гдѣ оныхъ нѣтъ, то покупкою; въ препровожденіи-жъ вашемъ не только чинено будетъ всякое вспоможеніе, но въ случаѣ нужды и употребится противу сосѣдей вашихъ горцевъ и татаръ должная защита безъ упущенія. И какъ все сіе я вамъ объявляю и васъ удостовѣряю согласно Высочайшему Ея Императорскаго Величества соизволенію и во исполненіе возложенной потому на меня отъ его свѣтлости главнокомандующаго войскомъ донскимъ легкою конницею и всѣми иррегулярными войсками господина генерала князя Григорія Александровича Потемкина комиссіи, по елику руководствомъ Его Свѣтлости и проистекаетъ ко мнѣ со всѣмъ войскомъ донскимъ отъ Высокомонаршаго Е. И. В. престола изобильныя отъ часу благодѣянія и снисхожденіе, то повторяю я вамъ господину атаману и всему вашему обществу именемъ Его Свѣтлости просьбу и увѣщеваніе чрезъ сіе наисильнѣйше, чтобъ вы, не устрашаясь ничего, согласились возвратиться и поселиться въ Россіи (въ предупрежденіе могущихъ иногда случиться вамъ за упорство какихъ либо непристойныхъ слѣдствій) добровольно и заблаговременно, почему и доставятся вамъ отъ Его Свѣтлости всѣ нужныя жизни человѣческой выгоды; коими вы будете довольны навсегда. За симъ же я чрезъ вышеупомянутыхъ господъ моихъ повѣренныхъ прося отъ васъ, для донесенія Его Свѣтлости, вашего на сіе соотвѣтствія и утверждая сіе мое къ вамъ изъясненіе подпискою моей руки и приложеніемъ восковой, тожъ и собственной моей атаманской печати, пребуду съ особливымъ моимъ къ вамъ доброжелательствомъ.

Войска Донского войсковой атаманъ Алексѣй Иловайскій.
8 мая 1778 года изъ Черкаска".

Съ такимъ листомъ Иловайскій отправилъ съ Дону на Кубань опытныхъ старшинъ, премьеръ-майора Якова Зазорскаго и есаула Тимофея Харитонова, приказавъ имъ, во что бы то ни

стало, вручить некрасовцамъ призывной листъ и вступить въ личные переговоры насчетъ условій возврата ихъ въ русскіе предѣлы. Повинуясь приказанію своего атамана, смѣлые донцы отправились на Кубань и на шестой день достигли крѣпости Екатерининской. Здѣсь донскіе послы 8 іюня, сѣвъ на предоставленную Гонбомомъ въ ихъ распоряженіе мореходную шкуну „Измаилъ“, подъ управленіемъ лейтенанта Цвѣленева, отправились Кубанью въ Черное море и тамъ, проѣхавши около 70 верстъ, приблизились къ берегу у высокихъ окруженныхъ дремучими лѣсами абазинскихъ горъ, гдѣ имѣли тогда вмѣстѣ съ абазинцами и черкесами свое пребываніе некрасовцы, которые, увидя приближающееся судно, бросились на высоты, а другіе приблизились вооруженные къ берегу. Зазорскій, давши знать въ трубу, чтобы некрасовцы ничего не опасались, послалъ къ нимъ на шлюпкѣ есаула Харитонова. Подошедшіе на самый берегъ два некрасовца спросили, что нужно пріѣхавшимъ русскимъ; Харитоновъ отвѣтилъ, что они привезли отъ донского войскового атамана для объявленія некрасовцамъ монаршее благоволеніе и желаютъ склонить ихъ къ добровольному возвращенію въ Россію. Передовые некрасовцы, выслушавъ Харитонова, пошли объявить его рѣчь своему „товариству“. Вскорѣ на курганѣ собрался войсковой кругъ, въ которомъ участвовало около ста человѣкъ старшинъ и казаковъ; они держали совѣтъ нѣсколько часовъ. Послѣ чего четыре некрасовца, отдѣлившись, подошли къ берегу и объявили Харитонову, что они присланнаго къ нимъ увѣщанія принять и въ Россію возвратиться не могутъ потому, что находятся подъ надзоромъ азіатскихъ султановъ и присланнаго изъ Царь-града турецкаго чиновника; затѣмъ сказали, чтобы послы возвратились и болѣе къ нимъ, некрасовцамъ, не пріѣзжали. Этимъ закончились всякія сношенія русскихъ съ некрасовцами.

У некрасовцевъ, какъ передаетъ Зазорскій, при его пріѣздѣ у берега стояло четыре думбаса и неподалеку строились мелкія мореходныя суда. Они, какъ было извѣстно, собирались уходить моремъ въ Турцію и только ожидали своихъ пословъ изъ Константинополя, посланныхъ къ султану за помощью,—въ виду чего прочнаго устройства жилищъ своихъ некрасовцы не производили, а жили въ шалашахъ подъ Анапой. Для воспрепятствованія выхода ихъ въ море, по распоряженію Суворова, полковникъ Гонбомъ отправилъ изъ керченской эскадры два бота съ командою лучшихъ стрѣлковъ для крейсерованія у береговъ Чернаго моря, гдѣ находились некрасовцы. 24 же іюня было получено свѣдѣніе, что некрасовцы, оставивши временное въ черкесской землѣ пребываніе, со всѣми своими семействами

и имуществомъ на своей флотиліи вошли въ Суджукъ-кальскую бухту. Въ погоню за некрасовцами къ двумъ крейсеровавшимъ судамъ, просмотрѣвшимъ некрасовскую флотилію, Гонбомъ вызвалъ изъ Керчи еще одинъ фрегатъ, но наша эскадра, въ виду стоявшихъ въ названной бухтѣ турецкихъ судовъ, не могла помѣшать дальнѣйшему слѣдованію некрасовцевъ. Они отправились въ Анатолію.

Послѣ ухода некрасовцевъ съ Кубани, одинъ черкесскій бей Заурбечь освободилъ томившагося въ оковахъ названнаго выше татарина Усмана, который явился къ Гонбому съ ранами на рукахъ и шеѣ отъ некрасовскихъ цѣпей. Этому татарину Гонбомъ вновь поручилъ уговорить оставшихся, какъ оказалось, въ пятнадцати шалашахъ за Кубанью некрасовцевъ, перейти на русскую сторону. Усманъ доставилъ этимъ старовѣрамъ списокъ съ воззванія донского атамана Иловайскаго, но раскольники, поцѣловавъ розданные имъ листы, объявили, что они въ русскіе предѣлы, если бы и желали, не могутъ перейти, находясь подъ присмотромъ черкесовъ. [81]).

Этимъ послѣднимъ неудачнымъ вызовомъ закончились всякія сношенія русскихъ съ находившимися за Кубанью некрасовцами. Оставшіеся между черкесами одинокіе некрасовскіе казаки имѣли полную возможность перейти на нашу сторону, занимаясь рыболовствомъ въ Кубани, но они предпочитали непріязненныя отношенія къ русскимъ.

Отправившіеся въ Анатолію некрасовцы по пути заходили въ турецкіе порты. Нѣкоторые тамъ же и оставались, а другіе шли далѣе. По сообщенію прибывшаго изъ Анатоліи муллы Фезлы, одна партія некрасовцевъ поселилась въ двухъ верстахъ отъ Синопа, а другая при Трапезунтѣ [82]), но есть свѣдѣнія, что некрасовцы жили и вблизи Самсона. Его разсказъ дополняется показаніемъ захваченнаго въ 1788 году близъ Ясс въ турецкую войну арнаутами въ плѣнъ некрасовскаго казака Максима Федосѣева съ товарищами. Какъ онъ говоритъ, некрасовцы по выходѣ съ Кубани раздѣлились и разошлись въ разныя стороны. Одна часть пошла Чернымъ моремъ къ Дунаю и поселилась на Дунавцѣ рѣчкѣ, въ трехъ селеніяхъ, а именно: Болочномъ, Блудиловскомъ и Чирянахъ; въ нѣсколькихъ миляхъ отъ послѣдняго пункта на р. Вилковой было еще селеніе, называемое Чебурашевъ, гдѣ также жили казаки некрасовскіе, заѣдшіе туда еще прежде. Въ этихъ четырехъ, надъ Дунав-

---

[81]) Моск. отд. арх. гл. шт., оп. 194. св. 84, № 2, по каталогу вып. III, № 158.

[82]) Военно-учён. арх. гл. шт. по I отд., дѣло № 168, листъ 73.

цемъ, селеніяхъ было жителей до 1000 семействъ. Другая же партія отправилась въ Анатолію и сгруппировалась (впослѣдствіи) въ одномъ селеніи Шаршамбѣ, расположенномъ при рѣчкѣ того же названія; въ немъ было до 100 семействъ. Эти некрасовскіе поселенцы имѣли намѣреніе также перейти на Дунай, по причинѣ часто бывавшей тамъ моровой язвы и по недостатку удобной для хлѣбопашества земли.

Въ каждомъ изъ этихъ селеній было по одной деревянной церкви; въ нихъ некрасовцы молились по старой своей вѣрѣ, имѣя у себя поповъ и надъ ними верховнаго пастыря въ санѣ епископа. Туркамъ никакихъ налоговъ во все время ихъ пребыванія въ Добруджѣ они не платили и службы никакой не отправляли, кромѣ того только, что жившіе въ Анатоліи некрасовцы доставляли лѣсъ и камень для строенія въ селеніи Шаршамбу. Начальниковъ, называемыхъ атаманами, некрасовцы сами себѣ избирали ежегодно: въ Анатоліи сельскаго, а на дунайской дельтѣ на всѣ селенія—войскового. Они и судъ и наказанія производили надъ казаками согласно прежнимъ донскимъ обычаямъ: за смертоубійство виновныхъ живыми закапывали въ землю и въ рѣку бросали. Нѣкоторые изъ некрасовцевъ, какъ говорилъ Федосѣевъ, желали бы воротиться въ Россію, но старики отъ этого удерживали, опасаясь въ Россіи угнетенія и наказанія. Въ Анатолію къ некрасовцамъ никто изъ Россіи не прибываетъ; въ Добруджѣ же иногда находили пріютъ въ некрасовскихъ селеніяхъ бѣглые изъ Россіи,—преимущественно изъ солдатъ; да сами некрасовцы нѣкоторыхъ русскихъ людей выкупали изъ плѣна отъ турокъ; но какъ тѣхъ, такъ и другихъ между некрасовцами было не особенно много. [83]).

Такой разсказъ Федосѣева и другихъ плѣнныхъ некрасовцевъ вполнѣ обрисовываетъ жизнь некрасовцевъ въ Турціи, за первыя десять лѣтъ.

Переселеніе изъ Анатоліи въ Добруджу некрасовцевъ, по высказаннымъ Федосѣевымъ причинамъ, началось еще до турецкой войны. Первая ихъ партія изъ подъ Синопа ушла на судахъ Чернымъ моремъ на Дунай въ 1779 году. Эти некрасовцы съ разрѣшенія турецкаго правительства поселились по Черноморскому побережью, въ пяти часахъ отъ Тульчи. Нашъ посолъ въ Константинополѣ Стахѣевъ, узнавъ объ этомъ, хлопоталъ, чтобы Порта воспрепятствовала такому поселенію бѣглыхъ раскольниковъ вблизи русскихъ границъ, но представленіе его турецкимъ правительствомъ не было принято. [84]).

---

[83]) Сборн. воен. истор. матеріаловъ Масловскаго. Вып. VI. Спб. 1893. № 717.

[84]) Дубровинъ. Присоед. Крыма къ Россіи. Спб. 1885 т. 2, актъ 118.

Другая партія некрасовцевъ вышла изъ Анатоліи въ Добруджу въ 1783 году и тоже разселилась вблизи Чернаго моря за Дунаемъ. Такое разселеніе въ Дунайскомъ краѣ враждебнаго русскимъ народа, дававшаго пріютъ бѣглымъ изъ Россіи людямъ, было не желательно нашему правительству. Князь Потемкинъ попытался остановить хотя послѣднихъ раскольниковъ, остававшихся еще въ Анатоліи, отъ переселенія на Дунай. Но такое намѣреніе русскаго государственнаго человѣка не легко было исполнить. Некрасовцы считались турецко-подданными, и помѣшать ихъ переходу изъ одного мѣста въ другое, въ турецкой имперіи, не нарушая мирныхъ отношеній съ Турціей, было не возможно. Слѣдуя окольными путями, Потемкинъ испросилъ Высочайшій приказъ 15 апрѣля 1784 года, которымъ Императрица Екатерина Алексѣевна представляла въ его распоряженіе судьбу выходящихъ въ Россію некрасовцевъ, изъявляя имъ свою царскую милость и прощеніе. [85]). Воспользовавшись этимъ разрѣшеніемъ, князь Григорій Александровичъ поручилъ вызовъ некрасовцевъ изъ Анатоліи Михаилу Каховскому. Этотъ генералъ въ томъ же году послалъ въ Анатолію къ некрасовцамъ прокламацію чрезъ татарина Агмета Асановича, поручивъ ему вступить въ переговоры съ раскольниками о возвращеніи ихъ на родину. Посолъ этотъ, возвратившійся въ маѣ, объявилъ, что онъ врученное ему письмо передалъ некрасовцамъ, жившимъ въ 20 верстахъ отъ г. Самсона; они, прочитавъ это воззваніе при общемъ собраніи, отозвались, что не намѣрены возвращаться въ Россію, а отправятся къ Дунаю къ перешедшимъ туда въ 1783 году некрасовцамъ. [86]).

Такимъ образомъ, отрядъ за отрядомъ переходили некрасовцы изъ Анатоліи въ Добруджу Чернымъ моремъ на своихъ судахъ. Партія этихъ переселенцевъ въ 1784 году по пути остановилась у Днѣстра въ слободѣ Чобручахъ и пробыла тамъ до 1787 года. При начавшейся войнѣ Россіи въ турками часть этихъ некрасовцевъ перешла въ Добруджу [87]), а часть осталась на мѣстѣ и занялась рыболовствомъ. А когда русскіе заняли Днѣстровскій край, и тамъ расположилось черноморское войско, то сдѣлано было распоряженіе о выселеніи всѣхъ находившихся тамъ турецкихъ старообрядцевъ за Днѣстръ. Для этого въ селеніе Чобручи былъ назначенъ регулярнаго войска полковникъ Кусаковъ, на котораго была возложена обязанность забо-

[85]) Сборн. руск. истор. общ. т. 27, Спб. 1880, стр. 332—333.

[86]) Сборн. русск. истор. общ. т. 27. Спб. 1880, стр. 332—333. Рап. генерала Михаила Каховскаго къ князю Потемкину-Таврическому. Дѣло № 13, оп. 197, моск. отд. арх. гл. шт.

[87]) „Сѣверная Пчела“, 1828 г., № 106.

титься о благосостояніи тѣхъ раскольниковъ и выселеніи ихъ за Днѣстръ. Квартировавшій же въ Чобручахъ другой полковникъ черноморскаго войска, Тиховскій, по традиціонной ненависти къ раскольникамъ, не только не имѣлъ объ нихъ попеченія, а, напротивъ, препятствовалъ имъ въ ихъ рыболовствѣ, и просто, безъ всякихъ разговоровъ, отнималъ у нихъ рыбу, заставляя ихъ тѣмъ скорѣе убираться къ своимъ туркамъ. [88]).

Переселившимся изъ Анатоліи некрасовцамъ турецкій султанъ далъ для поселенія въ Добруджѣ земли близъ озера Розельмъ (Разинъ), гдѣ некрасовцы основали сначала двѣ слободы, Дунавцы и Сарыкіой. Въ первомъ главномъ, гдѣ было мѣстопребываніе атамана некрасовскихъ казаковъ, набралось всѣхъ переселенцевъ до 1,200 семействъ, а въ послѣднемъ—около 400 домовъ; такое неравномѣрное число жителей въ этихъ двухъ селеніяхъ авторъ статьи, помѣщенной въ „Сѣверной Пчелѣ“ (1828 г. № 106), пытается объяснить тѣмъ, что будто бы жители селенія Дунавцы были истые некрасовскіе казаки, а сарыкіойцы—приставшіе къ нимъ въ разное время бѣглые изъ Россіи старовѣры. Но мнѣніе это я считаю ошибочнымъ. Изъ имѣющихся у меня документовъ, обнаруженныхъ при вызовѣ изъ-за Дуная въ Бессарабію раскольниковъ, видно, что и сарыкіойцы считаются потомками донскихъ казаковъ, некрасовцевъ. Причину того, что въ Дунавцахъ было болѣе тысячи домовъ, а въ Сары-Кіоѣ и пятисотъ не было, я считаю въ томъ, что некрасовцы двигались изъ Анатоліи на Дунай разновременно партіями, одна за другой. Слѣдовательно, одна партія переселенцевъ была больше, а другая меньше, одна образовала большее, а другая меньшее селеніе, если же прибыла еще и третья партія, то она могла пристать къ группѣ прежнихъ своихъ соотечественниковъ. Различіе между некрасовцами дѣйствительно существовало еще со времени пребыванія ихъ на Кубани, гдѣ первые выходцы съ Дону назывались кубанскими казаками и вмѣстѣ съ прибывшими къ нимъ некрасовцами образовали кубанское войско, но точныхъ свѣдѣній о раздѣленіи кубанскихъ казаковъ съ прочими раскольниками, жившими на Кубани и даже донцами, вышедшими съ самимъ Некрасовымъ, не имѣется. Если оно и было, то послѣдовало въ 1778 году послѣ выхода всѣхъ раскольниковъ изъ Кубанскаго края. Здѣсь мы видимъ, что одни раскольники пошли почему-то тотчасъ же за Дунай, а другіе въ Анатолію, но и тамъ селились въ разныхъ мѣстахъ.

Турецкій султанъ, давши некрасовцамъ для населенія земли въ Добруджѣ, подтвердилъ всѣ права и привиллегіи, какими они

[88]) Дѣло Куб. Войск. Арх.., № 58, 1789 г., св. 3.

пользовались прежде на Кубани. Никакихъ податей и налоговъ турки съ нихъ не брали, обязательныхъ повинностей воинской и земской не требовали. Старую свою вѣру некрасовцы исповѣдывали свободно; съ позволенія турецкаго правительства строили въ своихъ селеніяхъ церкви, имѣли священниковъ и даже епархіальнаго архіерея и, такъ какъ они были казаки, то по обычаю своему, избирали себѣ ежегодно вольными голосами сельскихъ атамановъ и войскового атамана, начальствовавшаго надъ всѣми турецко-подданными некрасовскими казаками. Судъ и расправа были у нихъ свои старые, казацкіе, безъ примѣненія къ турецкимъ законамъ. Въ свободное время некрасовцы занимались рыболовствомъ въ низовьяхъ Дуная и охотой на звѣрей и вообще вели жизнь по-русски.

Не принуждаемые турецкимъ правительствомъ обязательно вступать въ военную турецкую службу, некрасовцы, однако, не отставали отъ военныхъ упражненій, традиціонно поддерживавшихъ ихъ былую боевую славу, и при военныхъ дѣйствіяхъ турокъ съ ихъ непріятелями, добровольно становились въ ряды войскъ и выставляли въ нужныхъ случаяхъ до 3000 казаковъ [90]).

Въ 1787 году началась война Турціи съ Россіей, и преданные султану некрасовскіе казаки стали подъ турецкія знамена. Въ эту войну некрасовцы, большей частью, дѣйствовали противъ русскихъ вмѣстѣ съ татарами, составлявшими легкое конное турецкое войско, подъ начальствомъ Крымскаго Хана [91]).

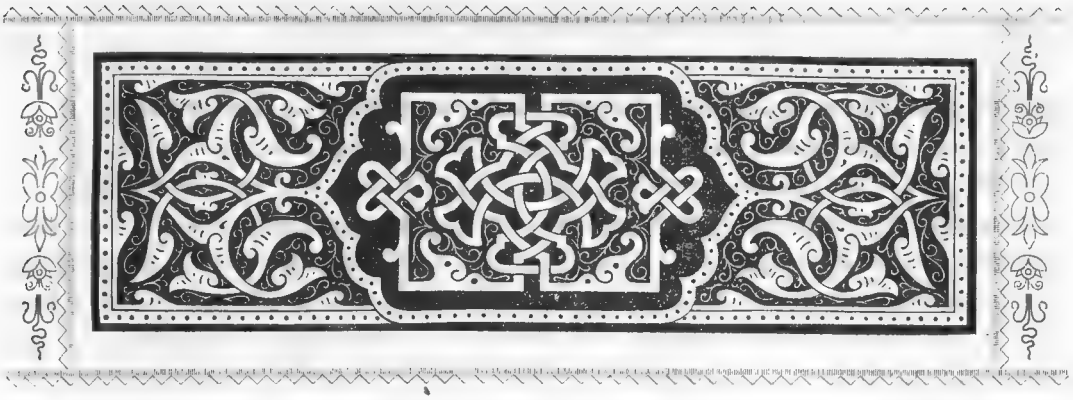
Есть достаточно извѣстій, что некрасовцы въ эту войну сражались съ русскими и проливали братскую кровь, но такъ какъ у нихъ въ службѣ находились одни только конные казаки въ турецкихъ отрядахъ, то самостоятельныхъ дѣйствій ихъ противъ русскихъ особенно выдающихся мы не знаемъ; имѣются только въ архивныхъ дѣлахъ указанія на участіе ихъ вмѣстѣ съ турками и татарами въ этой войнѣ противъ Россіи и въ одномъ сраженіи противъ Черноморскихъ казаковъ и русскихъ егерей подъ Бабадагомъ, въ 1791 году [91]).

---

[90]) „Сѣверная Пчела“ 1828 г. № 106. Сборникъ военно-историч. матеріаловъ Масловскаго. Спб. 1893, № 717.

[91]) Сборникъ военно-историч. матеріаловъ Масловскаго. Вып. IV, № 141, 178. Дѣло Кубанск. Войск. Архива, общ. атаманск. опись, 1791 г. № 140.

[91]) Кубанскій Войсков. Архивъ. Общ. атаман. опись. 1788 г. № 22, св. I, 1791 г. № 140, св. 8.



VI.

Споръ запорожцевъ съ некрасовцами. — Удаленіе некрасовцевъ въ Азіатскую Турцію. — Переходъ части некрасовцевъ изъ-за Дуная въ Бессарабію. — Настоящее положеніе некрасовцевъ въ Россіи и за границей.

Между русскимъ населеніемъ Добруджи особенно извѣстны въ прошломъ столѣтіи были запорожцы и некрасовцы. Первые составляли войско запорожскихъ казаковъ, удалившихся изъ Россіи въ 1775 году во время разоренія генераломъ Текеліемъ Приднѣпровской Сѣчи ихъ, а послѣдніе были казаки войска Донского, вышедшіе-было на Кубань еще въ концѣ XVII вѣка и чрезъ сто лѣтъ потомъ удалившіеся въ турецкіе предѣлы,—какъ уже было изложено въ нашемъ разсказѣ. Какъ тѣ, такъ и другіе казаки жили селеніями въ Дунайской дельтѣ на островахъ между Дунайскими гирлами и занимались традиціоннымъ своимъ промысломъ рыболовствомъ и звѣриной охотой. Запорожцевъ турки называли баткалами, относя это названіе къ военнымъ казакамъ; прочіе же запорожскіе поселенцы были извѣстны подъ общимъ именемъ всѣхъ добруджскихъ христіанъ раіи, которымъ назывались и некрасовцы; но послѣдніе были еще извѣстны подъ названіемъ липованъ[92]).

Запорожцы, перешедшіе изъ Днѣпровскаго въ Дунайскій край, сохранили свой кошъ или, скорѣе, кошевое управленіе съ кошевымъ атаманомъ, утверждавшимся турецкимъ султаномъ въ чинѣ двухбунчужнаго паши, и прочей войсковой старшиной по

---

[92]) Лупулеску. Русская колонія въ Добруджѣ. (Кіевск. Старина 1889 г. № 2). Защукъ. Бессарабская область. 1862, стр. 146. Почему называютъ некрасовцевъ Липованами, ни Лупулеску ни Защукъ не говорятъ, а Чужбинскій (Поѣздка въ Южную Россію, ч. II, Спб. 1863, стр. 3) сообщаетъ, что будто бы некрасовцевъ въ Бессарабіи называютъ Липованами. а въ Херсонской губерніи Пилипонами, но я самъ лично былъ въ тѣхъ мѣстахъ и такого различія не слышалъ.

выбору самихъ казаковъ. Кошевой атаманъ со старшиной и холостыми казаками жили въ Сѣчи, строившейся въ видѣ укрѣпленія, въ которомъ казачьи артели дѣлились на курени подъ вѣдѣніемъ куренныхъ атамановъ. Запорожское войско имѣло флотилію, пушки и прочее вооруженіе, приспособленное для пѣшаго строя казаковъ. Всѣ запорожцы считались въ военной службѣ и, потому, по первому требованію турецкаго правительства, шли на войну съ турками противъ мусульманъ и христіанъ, не исключая и русскихъ. Оттого они пользовались нѣкоторыми преимуществами предъ некрасовцами, служившими въ турецкихъ войскахъ по одной своей доброй волѣ, и въ рѣдкихъ случаяхъ требовались турками на службу въ войскахъ.

Во время совмѣстной жизни запорожцевъ и некрасовцевъ въ низовьяхъ Дуная, вспыхнула между ними сильная вражда, поводомъ къ которой Скальковскій, Кондратовичъ и другіе считаютъ частые наѣзды запорожцевъ для рыбный ловли въ тѣ мѣста, которыя постоянно занимали некрасовцы; но мнѣ кажется, что причину ненависти однихъ къ другимъ скорѣе нужно искать въ религіозныхъ понятіяхъ этихъ двухъ различныхъ элементовъ русскаго народа. Запорожцы были всѣ православные и не терпѣли иновѣрцевъ; некрасовцы были раскольники и ненавидѣли всѣхъ преслѣдователей старой вѣры, изъ-за сохраненія которой имъ пришлось бросить свое отечество и скитаться на чужбинѣ подъ защитой мусульманъ. Какія бы, впрочемъ, ни существовали побудительныя причины къ враждѣ и ненависти между запорожцами и некрасовцами, только мира между ними не было. Въ этой борьбѣ запорожцы всегда оказывались сильнѣе. Они жгли и разоряли раскольничьи селенія, грабили ихъ скотъ и имущество и не рѣдко при такомъ враждебномъ отношеніи дѣло доходило до смертоубійства. Запорожцы много убили некрасовцевъ. Одинъ запорожскій казакъ хвалился, что на своемъ вѣку зарѣзать уже девятнадцать липованъ, и обѣщалъ, для ровнаго счета, зарѣзать еще и двадцатаго.

Турецкое правительство, предоставивъ русскимъ казакамъ полное самоуправленіе, не вмѣшивалось въ ихъ распри, да едва ли и понимало, за что они ссорились. Но видя сильныя притѣсненія, наносимыя запорожцами некрасовцамъ, нашло нужнымъ около 1803 года удалить первыхъ съ Георгіевскаго острова, выше по Дунаю къ крѣпости Гирсову, въ урочище Сеймены, гдѣ запорожцы основали свою Сѣчь, или, по изслѣдованію Кондратовича, прямо селеніе, въ которомъ былъ войсковой ихъ кошъ [94]).

[94]) Скальковскій. Исторія Новой Сѣчи. Изд. 3, ч. III, Одесса 1885, стр. 221—222. Лупулеску. Свѣдѣнія о задунайскихъ запорожцахъ „(Кіевская Старина“ 1891 г. № 11, стр. 295).

Въ 1805 году запорожскіе казаки, по распоряженію турецкаго правительства, вновь возвратились на старыя мѣста въ низовьяхъ Дуная и возобновили прежнюю ссору съ некрасовцами, которые на этотъ разъ побили запорожцевъ, разорили ихъ селеніе Едрелесъ и самую Сѣчь ихъ сожгли. Но вскорѣ началась война Турціи съ Россіей, и запорожцы по требованію турецкаго правительства должны были оставить некрасовцевъ, а принять дѣятельное участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ русскихъ.

По окончаніи войны, запорожцы снова направились къ своимъ сосѣдямъ, но первоначально остановились кошемъ въ Котырлезѣ, при самомъ устьѣ Георгіевскаго гирла, гдѣ начали было укрѣплять свою Сѣчь и строить церковь, но года черезъ два бросили это мѣсто, вооружились и цѣлымъ войскомъ напали на некрасовцевъ, съ которыми начали войну за обладаніе болѣе выгодными ихъ мѣстами у рѣки Дунавца. Началась жестокая рѣзня некрасовцевъ-поселенцевъ, которыхъ не въ состояніи были защитить малосильные некрасовскіе казаки. Наконецъ, запорожцы взяли главное некрасовское селеніе Дунавцы и тѣмъ окончательно сломили силу своихъ противниковъ.

Долѣе некрасовскимъ казакамъ вмѣстѣ съ запорожцами было жить невозможно. Они отдѣлились отъ мирныхъ некрасовскихъ поселенцевъ, считавшихся раіею, и съ соизволенія турецкаго правительства, переселились въ окрестности Эноса, на берега семи озеръ Сирджи, гдѣ основали семь казацкихъ селеній [96]).

Житье въ этихъ мѣстахъ было привольное: рыбы въ озерахъ было изобильно, звѣрей и птицы было много. Дикіе кабаны сотнями ходили по плавнямъ озеръ; степь была покрыта густой травой и бурьянами, достаточно дававшими корма для казачьихъ лошадей. Словомъ, просторъ и разныя угодья были въ полномъ распоряженіи некрасовскихъ казаковъ, чуждавшихся одного только хлѣбопашества, находившагося въ чужихъ рукахъ. Главный промыселъ некрасовскихъ казаковъ былъ попрежнему рыболовство, которое они производили войсковыми артелями, подъ начальствомъ особаго ватажка или атамана, бывшаго подъ контролемъ выборныхъ стариковъ. Кромѣ рыболовства, некрасовцы занимались еще и охотой.

Вскорѣ послѣ этого наступила турецкая война, и какъ запорожцы, такъ и некрасовцы были отвлечены военными дѣйствіями съ русскими отъ своихъ домовъ. Въ турецкихъ предѣлахъ за Дунаемъ, гдѣ предстояли военныя дѣйствія, много было русскаго народа, разныхъ вѣроисповѣданій.

---

[96]) Журн. Мин. Вн. Дѣлъ 1844 г., ч. 8, статья Скальковскаго: Некрасовцы, и Записки Чайковскаго (Кіевская Старина 1889 г. № 2), стр. 157.

Главнокомандующій, генералъ Михельсонъ, начиная турецкую кампанію, разсчитывалъ, что многіе изъ нашихъ людей могутъ стать на сторону Россіи и быть полезными для русскихъ войскъ при военныхъ дѣйствіяхъ за границей. Въ этихъ видахъ Михельсонъ 15 декабря 1806 г. отправилъ за Дунай къ русскимъ выходцамъ слѣдующее воззваніе: „Извѣстно намъ, что многіе изъ подданныхъ русскихъ, спокойно пребывавшихъ въ жилищахъ и семействахъ своихъ, а также и изъ носившихъ оружіе для защиты отечества отлучились, или удалились изъ предѣловъ. Удалились же они, полагаемъ мы, по какимъ-либо наущеніямъ, или по какому-либо неосновательному страху, или боязни. Вѣдомо всему свѣту милосердіе августѣйшаго монарха, всемилостивѣйшаго государя моего, что простирается оно ко всякому проступокъ свой исправить желающему". Далѣе Михельсонъ именемъ Государя обѣщалъ прощеніе всѣмъ кто возвратится изъ Турціи и явится къ русскому начальству.

Прокламація эта имѣла нѣкоторый успѣхъ: много русскаго народа, жившаго въ Добруджѣ, приняли сторону русскихъ, и вышедшіе къ Измаилу 130 казаковъ, собранныхъ некрасовцемъ Мойдобурой положили основаніе тогда же образованному Усть-Дунайскому войску, которое составилось изъ разнаго рода русскихъ выходцевъ изъ Турціи [97]).

Мы не станемъ здѣсь разбирать извѣстія, передаваемаго г. Петровымъ о началѣ образованія Усть-Дунайскаго войска некрасовцевъ, изъ которыхъ можетъ быть и былъ одинъ только некрасовскій казакъ Мойдобура, скажемъ, что Михельсону не удалось тогда вызвать некрасовцевъ въ Россію. На это былъ болѣе счастливъ его преемникъ, генералъ Кутузовъ-Голенищевъ или, скорѣе, еще дежурный генералъ молдавской арміи, Тучковъ. Онъ подалъ мысль Кутузову, что такъ какъ перевѣсъ оружія русскаго надъ турецкимъ былъ уже видимъ, то наступило благопріятное время на вызовъ некрасовцевъ изъ турецкихъ предѣловъ въ занятую русскими Бессарабію. Получивъ согласіе главнокомандующаго, Тучковъ съ умѣніемъ и энергіей принялся за дѣло. Обѣщаніями царскаго прощенія и разныхъ милостей въ Россіи, Тучкову удалось въ 1811 году вызвать изъ-за Дуная въ Бессарабію до ста некрасовскихъ семействъ, поселившихся по его предложенію на берегу Дуная вблизи крѣпости Измаилъ [98]).

Въ листѣ, данномъ по порученію главнокомандующаго генерала отъ инфантеріи Кутузова-Голенищева передавшимся Рос-

---

[97]) Петровъ. Война Россіи съ Турціей 1806—1812 г., т. I, Спб. 1885 г., стр. 132,

[98]) Жур. М. В. Д. 1844 г., ч. 8, статья Скальковскаго.

сіи некрасовцамъ 25 іюня того года, Тучковъ объщалъ именемъ Государя Императора Александра Павловича: „1) прощеніе Его Императорскаго Величества всѣмъ тѣмъ некрасовцамъ, за оставленіе ими своего отечества и поднятіе оружія противъ своего законнаго русскаго монарха, которые пожелаютъ возвратиться подъ русскую державу; 2) льготу отъ всякаго рода податей и повинностей на три года; 3) избраніе рода жизни и состоянія, какой пожелаютъ; 4) отводъ земли для ихъ усадебъ въ достаточномъ количествѣ; 5) свободное вѣроисповѣданіе, безпрепятственное строеніе церкви и отправленіе въ ней богослуженія по старому обряду; 6) отпускъ лѣса безплатно изъ казенной дачи для постройки сотни некрасовскихъ домовъ; 7) освобожденіе отъ рекрутской повинности и, такъ какъ они считали себя казаками въ Россіи и Турціи, то предоставленіе права, буде пожелаютъ, поступить и теперь въ казачье вѣдомство [99]).“

Изъ этихъ выходцевъ образовалось невдалекѣ отъ Измаильской крѣпости поселеніе, названное Тучковымъ, которое составляетъ теперь предмѣстье города Измаила и называется Старая Некрасовка.

Для поселившихся здѣсь некрасовцевъ, по распоряженію Тучкова, послѣдовавшему въ 1812 году, изъ Бухареста измаильскимъ комендантомъ отведено на сто семействъ земли по 40 десятинъ на дворъ, съ освобожденіемъ отъ платежа десятиннаго налога, существовавшаго тогда по молдаванскому уставу; тогда же отпущенъ и лѣсъ отъ казны для строенія некрасовцами себѣ домовъ.

Съ тѣхъ поръ прошло сто лѣтъ, и ни одинъ некрасовецъ не перешелъ изъ-за Дуная на русскую территорію. Турки и ненавидѣвшіе русскихъ вожаки некрасовскихъ казаковъ то силой, то лаской, уговорили раскольничье селеніе не переходить на русскую сторону, а остаться вѣрными подданными турецкому султану, который всегда былъ милостивъ къ некрасовцамъ. Милость эта однако же съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе слабѣла, и давнія права некрасовцевъ стали измѣняться. Неудовольствіе турецкихъ властей къ нимъ началось съ того времени, когда они начали передаваться Россіи. Послѣ этого турецкое правительство начало обижать и притѣснять некрасовцевъ личными оскорбленіями, наложеніемъ пошлинъ на ихъ промыслы и обязательнымъ поступленіемъ въ строевую службу всѣхъ некрасовскихъ казаковъ, способныхъ носить оружіе. Усиленіе легкаго турецкаго войска потребовалось именно въ 1822 году, когда

[99]) Этотъ документъ, подлинный, былъ лично предъявленъ мнѣ некрасовцами въ ихъ селеніи на Дунаѣ. Онъ тщательно, въ числѣ прочихъ бумагъ, хранится и теперь у довѣренныхъ общества Новой Некрасовки.

начались волненія въ придунайскихъ княжествахъ, а потомъ началась греческая революція, куда потребовались и некрасовскіе казаки.

Въ это время нѣкоторые некрасовцы, не желая итти воевать съ греками, какъ говорили они на Бѣлое море, начали искать сближенія съ русскими. Выбѣжавшіе въ 1824 г. въ одесскій портъ семьи некрасовцевъ, жалуясь на турокъ за высказанныя выше обиды и притѣсненія, объявили, что всѣ некрасовцы согласны на переходъ въ русскую сторону, но не осмѣливаются двинуться, опасаясь мести турокъ, которые поставили некрасовцевъ въ такія условія, что за одного человѣка ушедшаго къ русскимъ цѣлое селеніе отвѣчаетъ. Сами эти выходцы убѣжали не изъ селенія, а изъ отхожихъ рыбныхъ промысловъ, а потому побѣгъ ихъ для турокъ остался незамѣтнымъ[100]).

Дѣйствительно ли было общее желаніе некрасовцевъ передаться русскимъ, или названные выходцы высказали только личное свое мнѣніе, ничѣмъ не подверждалось, и кромѣ единичныхъ случаевъ выхода некрасовцевъ на русскую сторону, массоваго движенія ихъ не было, и такъ какъ въ то время между Россіей и Турціей существовалъ миръ, то русское правительство не принимало съ своей стороны никакихъ мѣръ къ вызову некрасовцевъ.

Въ 1828 году началась съ турками война, и некрасовскіе казаки стали за турокъ противъ русскихъ, выставивъ подъ ружье до 2500 всадниковъ, подъ начальствомъ своего походнаго атамана, Ивана Солтана. За отлично-усердную службу, вѣрность и преданность турецкому султану и военныя отличія некрасовскіе казаки получали награды и пользовались уваженіемъ турецкихъ властей. Назначенный главнымъ начальникомъ казачьихъ командъ Садыкъ-Капа (Чайковскій) съ присвоеніемъ званія Миримиръ-паши (чинъ, данный тогда кошевому запорожскаго войска въ Турціи) свидѣтельствуетъ, что „кубанскіе казаки“ (некрасовцы) были примѣрнымъ войскомъ въ турецкой арміи. Хорошо служили султану и добруджскіе казаки (некрасовцы), но они выставили въ строй только 240 человѣкъ, изъ которыхъ болѣе знакомые съ дунайской дельтой служили туркамъ проводниками.

Въ то время какъ некрасовскіе казаки вмѣстѣ съ турками защищали крѣпость Тульчу, посланный генераломъ Роткомъ полковникъ Мухановъ съ русскимъ отрядомъ взялъ крѣпость Эносъ (надъ Эгейскимъ моремъ близъ впаденія Марицы) и занялъ тамъ главное некрасовское селеніе, которое за отсутствіемъ своихъ

---

[100]) Журналъ М. В. Д. 1844, ч. 8, статья Скальковскаго,

казаковъ, находившихся въ турецкихъ войскахъ, отдалось русскимъ безъ боя. Бывшіе въ этомъ селеніи некрасовцы встрѣтили Муханова по русскому обычаю съ хлѣбомъ-солью и колокольнымъ звономъ. Мухановъ наградилъ враждебныхъ намъ раскольниковъ, но эти закоренѣлые старовѣры, послѣ ухода Муханова съ отрядомъ, сами сожгли какъ свое, такъ и прочія раскольничьи селенія, бывшія на озерахъ Сарджи, забрали семейства и имущество, переправились на азіатскій берегъ въ Анатолію, къ озеру Маніосскому и тамъ основали близъ турецкихъ городковъ Бендермана и Михалича одно большое, дворовъ въ тысячу, селеніе Биневлы (бенъ-эоле, по турецки тысяча домовъ) или Маніоскіой, оставивъ за собой на Эносѣ одни только рыбныя ловли. Возвратившіеся съ похода послѣ войны некрасовскіе казаки не заходили уже на свои Эносскія пепелища, а шли прямо на новое жительство въ Азію, въ сказанное Маніосское селеніе [101]).

Вскорѣ послѣ этого жившій въ Константинолѣ польскій эмигрантъ Чайковскій, извѣстный въ Турціи подъ именемъ Садыкъ-паши, желая ближе ознакомиться съ некрасовскими казаками, называвшими себя кубанцами, былъ лично у нихъ въ Маніосскомъ селеніи и передалъ намъ весьма интересный разсказъ о тамошней жизни и обычаяхъ некрасовцевъ. Изъ его разсказа видно, что некрасовцы вели жизнь патріархальную, по русскому обычаю петровскихъ временъ. Они занимались рыболовствомъ, ловлей піявокъ, охотой и торговлей въ разносъ. Двѣ первыя промышленности у нихъ общинныя, производились войсковыми артелями, а послѣднія занятія предоставлялись на волю каждому, кто желаетъ заработать лишнюю копейку и на нее выпить лишнюю чарку зеленаго вина, въ шинкѣ, находившемся непремѣнно въ чужихъ рукахъ. Казаки гнушались водочной торговлей, но выкуривали водку сами. Землепашествомъ некрасовцы, по старому донскому обычаю, не занимались, садоводствомъ тоже; для разведенія же огородныхъ растеній и баштановъ нанимали болгаръ, а прочіе жизненные продукты покупали въ ближайшихъ греческихъ селеніяхъ. Скотоводствомъ некрасовцы не занимались, но плодили хорошаго завода лошадей. Лошади были нужны самимъ казакамъ для военной службы и доставляли хорошій доходъ отъ турокъ, набиравшихъ ремонтъ изъ некрасовскихъ табуновъ, для султанской кавалеріи.

Богатое некрасовское Маніосское селеніе (Биневлы) пользо-

---

[101]) Кіевская Стар. 1892, Августъ. Записки Чайковскаго, стр. 257. Русская Старина. 1898 г. Октябрь. Записки его же, стр. 173, 189, 198.

валось особой привилегіей. Оно имѣло свои прежнія вольныя права и обычные законы; управлялось выборными старшинами подъ главнымъ начальствомъ войскового атамана, тоже избиравшагося самими казаками. Въ селеніи этомъ было четыре церкви, но не было ни одного священника. Церковную службу отправляли уставщики, въ видѣ монаховъ, и дьячки, учившіе при церквахъ некрасовское юношество грамотѣ, обязательной для мужескаго пола. Послѣ школьнаго обученія опытные казаки учили молодыхъ грамотѣевъ военной службѣ.

Возлѣ своего селенія некрасовцы постоянно держали караулы, чтобы посторонніе люди не могли къ нимъ проникнуть безъ ихъ позволенія. Такая мѣра вызывалась крайней ихъ осторожностью и подозрительностію. Болѣе всего некрасовцы боялись русскихъ развѣдчиковъ и турецкихъ запорожцевъ, прежде ихъ жестоко разорявшихъ. Самого Чайковскаго, несмотря на предъявленный имъ турецкій фирманъ, некрасовцы приняли за шпіона, подосланнаго русскимъ правительствомъ, или переодѣтаго запорожца, прибывшаго къ нимъ высмотрѣть, нельзя ли ихъ выгнать изъ селенія, какъ прежде выгнали изъ Дунавцевъ. Нѣкоторые некрасовцы подозрѣвали въ Чайковскомъ турецкаго чиновника, пріѣхавшаго для осмотра ихъ достоянія, чтобы обложить ихъ податями, такими, какія платили другіе христіане, жившіе въ Турціи, что тоже возмущало некрасовцевъ, въ виду того, что они по данной имъ султаномъ привилегіи, неся военную службу, никакихъ податей въ турецкую казну не платили.

Передъ селеніемъ, гдѣ некрасовскій караулъ остановилъ Чайковскаго, собралось около 300 человѣкъ казаковъ. Никто не зналъ этого авантюриста и не вѣрилъ въ предъявленный имъ пропускной документъ, а всѣ считали его то за того, то за другого враждебнаго ихъ общинѣ пришельца. Между казаками начались толки на турецкомъ языкѣ: одни предлагали отправить прибывшаго къ турецкому начальству въ ближайшій городъ, другіе настаивали просто безъ всякой проволочки утопить въ озерѣ, и утопили бы, если бы, къ его счастью на этотъ часъ не подоспѣлъ на сходку бѣглый русскій уланъ, который успѣлъ выяснить некрасовцамъ особу Чайковскаго, лично ему бывшаго извѣстнымъ. Онъ увѣрилъ некрасовцевъ, что прибывшій неизвѣстный для нихъ человѣкъ польской націи, и не только не приверженный къ русскимъ, но, напротивъ, ихъ врагъ, сражавшійся съ турками противъ русскихъ.

Послѣ такой лестной аттестаціи некрасовцы приняли Чайковскаго къ себѣ въ селеніе за гостя и начали угощать его по казацкому обычаю на пирушкахъ круговою чаркою.

Чайковскій, ознакомившись съ некрасовцами, имѣлъ случай убѣдиться въ ихъ ненависти къ русскимъ и любви къ казацкой ихъ старинѣ. Они очень берегли свои войсковыя регаліи, полученныя разновременно отъ турецкихъ султановъ, за вѣрную свою и усердную службу Блистательной Портѣ. Всѣ знамена, милостивые султанскіе фирманы и прочіе клейноды некрасовцы тщательно хранили въ церквахъ; тамъ же хранился и ихъ войсковой архивъ. Между войсковыми регаліями особенно обращала на себя вниманіе литая золототая булава, пожалованная султаномъ Махмудомъ атаману Ивану Салтану, за доблестные подвиги некрасовскихъ казаковъ въ войну противъ русскихъ 1828—1829 г. и за особенное отличіе, оказанное некрасовцами въ 1839 году въ Неживскомъ сраженіи; свято чтили казаки память и своего перваго знаменитаго атамана Игната Некрасова. Все его оружіе, булава и печать хранились въ церкви, вмѣстѣ съ войсковыми регаліями.

Въ турецкую войну 1828 г. вполнѣ выяснилась разница между воинственнымъ сословіемъ анатолійскихъ некрасовскихъ казаковъ и болѣе мирными раскольниками Добруджи, называвшимися липованами. Первые имѣли у себя военный строй, сохраняли дорогія для нихъ вещи Некрасова и войсковыя регаліи, а послѣдніе были мирными жителями, но также имѣли султанскія и ханскія грамоты на ихъ права и привилегіи въ томъ краѣ; некрасовскіе казаки питали непримиримую вражду къ русскимъ, убѣгали отъ нихъ въ глубь Турціи, а добруджскіе раскольники не только не выказывали особенной непріязни къ русскому народу, но сами еще шли навстрѣчу нашимъ войскамъ, бывшимъ на Дунаѣ, предлагая свои услуги. Когда наша армія перешла Дунай, то генералъ-маіоръ Сергѣй Тучковъ, видя мирное настроеніе некрасовцевъ, 26 апрѣля 1828 года обратился къ нимъ съ письменнымъ воззваніемъ, начавъ его знаменательными словами; „Христосъ Воскресе!“. Въ короткихъ словахъ Тучковъ объяснилъ, что русскіе заняли некрасовское селеніе вооруженной рукой, и онъ назначенъ ихъ опекуномъ и начальникомъ. Такимъ занятіемъ ихъ жилищъ они не должны тревожиться и уходить, а оставались бы спокойно на своихъ мѣстахъ: все ихъ имущество останется въ цѣлости и имъ никакихъ обидъ отъ русскихъ не будетъ, а напротивъ, будетъ оказано всякое содѣйствіе, если онѣ преклонятся къ русскому царю [102]).

Послѣ этого многіе некрасовцы изъ селеній Сарыкіой, Карагарманъ, Новой Славы, Старой Славы, Журиловки, Бабадаг-

[102]) Копія такого листа была лично мнѣ предъявлена довѣренными общества селенія Новой Некрасовки (предмѣстье Измаила).

ской и Каменки, Мачинской области, успокоенные за свою участь, явились къ Государю Николаю Павловичу съ прошеніемъ пощады отъ разоренія ихъ русскими войсками и прощенія за ихъ прежнія вины противъ Россіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ соглашались переселиться въ русскіе предѣлы. Государь Николай Павловичъ принялъ милостиво некрасовцевъ, простилъ ихъ измѣну Россіи и обѣщалъ имъ дать большія льготы при переходѣ въ Россію [103]).

Дальнѣйшіе переговоры съ некрасовцами были поручены названному генералу Тучкову, который сказанныя ихъ представителямъ слова Императора письменно подтвердилъ. Онъ писалъ изъ Бабадага 12 Іюля 1828 г. „Некрасовскому селенію Серы-Кіой. Государь Императоръ Николай Павловичъ по всеподданнѣйшему докладу соизволилъ даровать вамъ двадцатилѣтнюю льготу отъ всякихъ податей, при случаѣ перехода вашего въ предѣлы Россіи“ [104]).

Льгота эта и освобожденіе отъ рекрутской повинности впослѣдствіи подтверждена была указомъ Правительствующаго Сената по 1 Департ., 3 апрѣля 1833 г. (№ 18585) и считалась съ того времени, когда некрасовцы записывались въ податное состояніе.

Тѣ некрасовцы, которые довѣрились русскимъ, дали присягу на вѣрность подданства русскому Государю. Они въ продолженіе войны съ турками не поднимали оружія противъ русскихъ войскъ, вели себя мирно, служили въ русскихъ войскахъ маркитантами и переводчиками, а шесть человѣкъ опытныхъ казаковъ, какъ разсказываютъ теперь некрасовцы, постоянно были проводниками нашихъ войскъ въ турецкихъ земляхъ.

Такъ какъ атаманъ некрасовскихъ селеній, не желая передаваться русскимъ, остался вѣрнымъ турецкому султану, то переговоры ихъ съ русскимъ правительствомъ о переходѣ въ русскіе предѣлы велись каждымъ обществомъ отдѣльно чрезъ своихъ довѣренныхъ лицъ. Въ виду такого разобщенія, каждое селеніе предлагало свои особыя условія и отъ того переговоры затягивались. Серы-кіойцы, напримѣръ, послѣ долгихъ совѣщаній только 1829 г. дали положительное согласіе графу Дибичу

---

[103]) Русск. Стар. 1895 г. Ноябрь, стр. 158. Кіевская Старина 1892 г. Августъ Записки Чайковскаго. Некрасовскіе старшины въ бытность мою на Дунаѣ разсказывали, что когда ихъ старшины явились къ Государю Николаю Павловичу съ повинною, то на ихъ головахъ были турецкія фески: Государь, замѣтивъ это, велѣлъ фески съ головъ поснимать и впредь не надѣвать. Съ тѣхъ поръ переходившіе въ русскіе предѣлы некрасовцы турецкой одежды не надѣвали.

[104]) Документъ этотъ, съ № 189, за собственноручной подписью Михельсона, лично мнѣ некрасовцами предъявленный, и теперь хранится у довѣренныхъ селенія Новой Некрасовки (близъ Измаила).

Забалканскому поступить въ русское подданство съ тѣмъ, чтобы русское правительство дало имъ земли для поселенія на лѣвой сторонѣ Дуная въ Бессарабіи. Графъ Воронцовъ по близости турецкой границы находилъ такое поселеніе неудобнымъ, и считалъ болѣе полезнымъ для государства дать Серы-кіойцамъ и другимъ некрасовцамъ мѣста для жительства въ Керченскомъ градоначальствѣ, или въ Очаковѣ,—съ чѣмъ соглашался и Самъ Государь. Но эти мѣста некрасовцамъ не нравились. Объ этомъ они заявили графу Дибичу,—настаивая на своихъ условіяхъ, а такъ какъ Дибичъ не считалъ себя въ правѣ самъ разрѣшить этого важнаго вопроса, то турецкіе некрасовцы, съ соизволенія его, посылали отъ себя въ Одессу четырехъ выборныхъ стариковъ съ просьбою къ графу Воронцову объ опредѣленіи имъ болѣе выгодныхъ мѣстъ для поселенія у береговъ Дуная на русской сторонѣ. Переговоры дѣлались часъ отъ часу серіознѣе. Некрасовцы не хотѣли переселяться на тѣ земли, которыя русское правительство имъ предлагало, а русскіе не желали допустить поселеніе недавнихъ еще враговъ своихъ на границѣ съ Турціей, гдѣ они черезъ Дунай могли во всякое время имѣть сообщенія съ тѣми раскольниками, которые вовсе не желали принимать русскаго подданства, или же при первомъ неудовольствіи могли уйти обратно за границу въ турецкіе предѣлы. Наконецъ, графъ Воронцовъ уступилъ и представилъ этотъ вопросъ въ желанномъ некрасовцами смыслѣ на Высочайшее усмотрѣніе.

Въ 1830 году, по представленію Воронцова, послѣдовало Высочайшее соизволеніе на водвореніе выходящихъ изъ Турціи некрасовцевъ въ Бессарабіи, преимущественно въ Измаилѣ, Кишиневѣ и Бендерахъ. Этихъ переселенцевъ насчитывалось до 1042 душъ обоего пола.

Получивъ желанное разрѣшеніе русскаго Монарха, некрасовцы отдались на милость и покровительство природнаго своего Государя съ полнымъ довѣріемъ и вручили генералу Тучкову всѣ жалованные имъ ханами и турецкими султанами фирманы на вольную жизнь въ турецкихъ предѣлахъ, а также и другія бумаги султанскихъ визирей, уяснявшія ихъ права и привилегіи въ турецкой имперіи. Всѣ эти документы, какъ сообщаетъ Скальковскій, Тучковымъ отправлены въ Одессу графу Воронцову, а имъ представлены Государю въ Петербургъ.

Переселеніе некрасовцевъ началось осенью того же года, подъ наблюденіемъ того же генерала Тучкова. Но вскорѣ всѣ дѣла по этому переселенію затормозились. Атаманъ некрасовскихъ казаковъ Кошелевъ, узнавши о рѣшенномъ окончательно переходѣ некрасовскихъ жителей въ Россію, началъ уговаривать ихъ, измѣнить присягу, данную на вѣрность Русскому Царю, не

бросать турецкой земли и оставаться вѣрноподданными турецкому султану. Само собой разумѣется, что убѣдительныя увѣщанія Кошелева не остались безплодными, и могло случиться, что онъ разными ильстивыми обѣщаніями совсѣмъ могъ бы отклонить задунайскихъ раскольниковъ отъ перехода въ Россію, но тутъ выступилъ противъ него болѣе сильный соперникъ, Левъ Полежаевъ. Этотъ благонамѣренный некрасовецъ, ставши во главѣ всѣхъ своихъ соотечественниковъ, изъявившихъ желаніе возвратиться въ свое прежнее отечество, уговорилъ ихъ не слушать русскаго врага Кошелева, а смѣло идти подъ державу Русскаго Царя. За эту услугу Полежаева Государь Императоръ Николай Павловичъ наградилъ золотою медалью для ношенія на шеѣ на Владимірской лентѣ и пожизненной пенсіей по 2000 рублей въ годъ.

Казалось, все исправилось и дальнѣйшему переселенію раскольниковъ на нашу сторону ничто уже не препятствовало. Но тутъ встрѣтились еще кое-какія недоразумѣнія. Жители селенія Сары-кіой потребовали земли для поселенія 200 семействъ, лѣсу, для 200 домовъ, корму для 1050 шт. скота, который вели изъза Дуная, лодокъ для перевозки себя съ имуществомъ черезъ Дунай и хлѣба на посѣвъ; общество селенія Каменки просило поселить ихъ при водномъ мѣстѣ, чтобы они могли съ удобствомъ заниматься рыболовствомъ; журиловцы желали селиться вблизи Днѣпра въ Аккерманскомъ уѣздѣ, между селеніями Большой и Малой Катарджи; славинцы и другихъ селеній раскольники, изъявившіе согласіе переходить на русскую сторону, желали соединиться съ старыми некрасовцами, поселившимися прежде при Измаилѣ. Всѣ эти разнобразныя требованія русское начальство должно было безотлагательно исполнить, а иначе турецкая партія некрасовцевъ забирала верхъ и, въ случаѣ промедленія съ нашей стороны, ни одинъ раскольникъ не перешелъ бы на лѣвую сторону Дуная.

Когда на всѣ эти требованія некрасовцевъ дано было со стороны Россіи согласіе, и дѣло переселенія ихъ изъ-за Дуная начало двигаться впередъ, то явилось еще одно затрудненіе: раскольники не хотѣли разставаться съ своей церковью, бывшею въ селеніи Сара-кіой, однако и это непредвидѣнное препятствіе было улажено. По ходатайству генерала Тучкова, Государь разрѣшилъ Сары-кіойцамъ разобрать свою церковь, перевезти на нашу сторону Дуная и поставить въ окрестностяхъ Измаила, гдѣ имъ была назначена земля для поселенія, и отправлять въ ней богослуженіе по старому своему обряду. По разрѣшенію этому жители Сары-кіойскаго селенія церковь свою разобрали, перевезли черезъ Дунай и поставили ее въ основанномъ ими селеніи, верстахъ въ десяти выше Измаильской крѣпости на берегу Дуная,

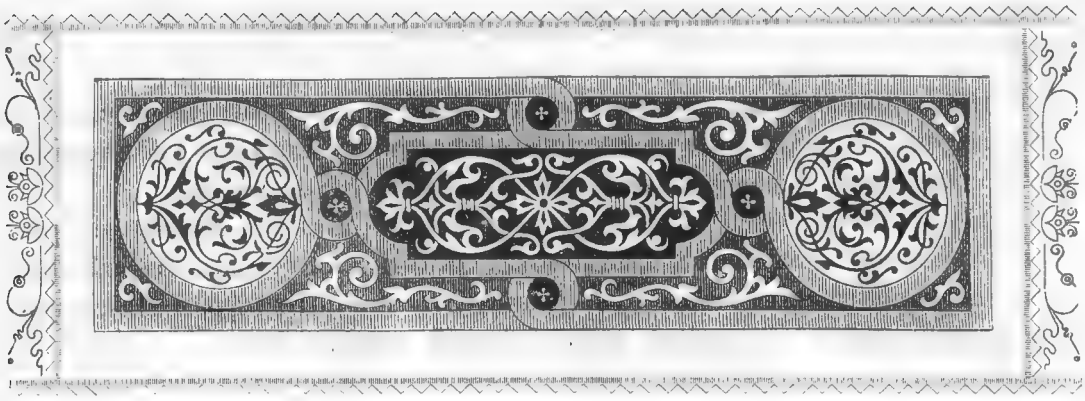
гдѣ имъ дано было земли всего только на 60 дворовъ [105]). Это селеніе впослѣдствіи увеличилось постройками и населеніемъ раскольниковъ и теперь называется Новая Некрасовка.

Въ 1831 г. переселеніе некрасовцевъ изъ-за Дуная въ русскіе предѣлы совсѣмъ закончилось, и они поступили въ вѣдѣніе попечительнаго комитета о колонистахъ южнаго края Россіи,— съ подчиненіемъ мѣстной гражданской власти [106]).

---

[105]) Журналъ М. В. Д. 1844 г., 8 ст. Скальковскаго. Личные разсказы стариковъ некрасовцевъ во время посѣщенія моего Измаила и селенія Новой Некрасовки въ маѣ 1895 г.

[106]) Отношеніе Бессарабскаго областного правленія Одесскому Градоначальнику отъ іюня 1833 г. № 20618. въ засвидѣтельствованной копіи, переданной мнѣ довѣреннымъ селенія Новой Некрасовки.



VII.

Позднѣйшія свѣдѣнія о некрасовскихъ общинахъ въ Турціи.

Изъ некрасовцевъ, находившихся въ Анатоліи, за переселеніемъ большей части въ Добруджу на берега Дуная, небольшое число ихъ осталось въ селеніи Шаршамба. Эти некрасовцы, по разсказу ихъ казака Федосѣева, тоже имѣли намѣреніе перейти за Дунай, но захваченные войною, начавшеюся между Россіей и Турціей въ 1787 году, остались на мѣстѣ. Изъ нихъ нѣкоторые впослѣдствіи приходили на Кубань, сходились съ черкесами, занимались охотой въ Закубанской сторонѣ и рыбной ловлей въ Кубани, а вмѣстѣ съ рыбой ловили русскихъ людей, стоявшихъ на кубанской границѣ, какъ изъ регулярныхъ частей, такъ и переселившихся въ 1792 г. съ Днѣпра на Кубань черноморскихъ казаковъ, и продавали ихъ черкесамъ въ рабство. Такая охота некрасовцамъ удавалась тѣмъ болѣе, что они, зная русскій языкъ, при встрѣчѣ съ солдатами или казаками на Кубани, выдавали себя за русскихъ и тѣмъ вводили въ обманъ, кончавшійся плѣномъ и неволей; нападали некрасовцы вмѣстѣ съ черкесами и на казачьи кордоны, содержавшіеся по кубанской границѣ. Кошевой атаманъ Черноморскаго войска, Чепѣга, въ декабрѣ 1792 года далъ строгое предписаніе начальнику черноморской кордонной линіи на Тамани, полковнику Саввѣ Бѣлому, чтобы черноморскіе казаки съ липованами, „въ предательствѣ русскихъ подданныхъ заграничнымъ людямъ часто обращающимися, не только не сообщались и ни въ чемъ не вѣрили, но даже, если они еще шататься будутъ по Кубани, то брать подъ караулъ и отправлять прямо къ таврическому губернатору [107])“.

---

[107]) Дѣла Куб. Войск. Арх. Общ. оп. № 190—1792 г.

Но можно ли было уберечься отъ такихъ злодѣевъ, которые, говоря русскимъ языкомъ, встрѣчались вездѣ на границѣ съ нашими рыболовами и охотниками, а потомъ, заманивая ихъ въ глухія мѣста, схватывали, связывали и доставляли въ горы на продажу.

Въ апрѣлѣ 1793 г. некрасовцы и черкесы, подкравшись ночью на лунтрахъ (челнахъ) къ одному черноморскому казачьему пикету, стоявшему на берегу у Темрюкскаго гирла, подъ командою старшины Чернолѣса, намѣревались захватить тамъ казаковъ, но послѣдніе во-время замѣтили непріятелей и завязали съ ними перестрѣлку. Некрасовцы, видя себя открытыми, вмѣстѣ съ горцами бросились съ шашками и кинжалами въ рукопашный бой, но черноморцы отбили нападавшихъ враговъ. При этомъ нападеніи начальникъ поста Чернолѣсъ и три казака были ранены; изъ нападавшихъ же злодѣевъ четыре некрасовца были убиты, а сколько было ранено въ темной ночи, не замѣтили. Такія нападенія некрасовцевъ на русскихъ неоднократно повторялись, и не одна некрасовская голова легла на берегахъ Кубани, но зато и русскіе не разъ платились смертью и плѣномъ. Особенною ловкостью въ охотѣ на русскихъ отличался некрасовецъ Андрей Мазановъ. По собственному его показанію, ему было 50 лѣтъ отъ роду, вѣры „Христіанско-раскольничьей“, родился турецко-подданнымъ въ селеніи Хантебѣ, бывшемъ при Кубани на Фанагорійскомъ островѣ, отъ отца некрасовца Пахома Мазанова и матери Софіи. Когда ему было 15 лѣтъ, то отецъ его перешелъ изъ того селенія въ другое, находившееся на томъ же островѣ близъ кубанскихъ гирлъ, впадающихъ въ Кизилташскій лиманъ. Чрезъ 10 лѣтъ отецъ его умеръ, а онъ женился на дочери жившаго тамъ же некрасовца Карпа, Феодосіи, и жилъ съ ней 12 лѣтъ. У нихъ было 2 сына и двѣ дочери, которыя въ малолѣтствѣ померли. Во то время, когда русскіе овладѣли Крымомъ, некрасовцы, какъ говорилъ Мазановъ, ханомъ Шагинъ-Гиреемъ были выгнаны съ Кубани, и онъ при этомъ перешелъ въ Анатолію и тамъ поселился вмѣстѣ съ прочими некрасовцами близъ рѣчки Шаршамбы. Въ селеніи этомъ жена его умерла; онъ женился на другой, но и та умерла; на третей женился, и третья вскорѣ отправилась на тотъ свѣтъ. Тогда онъ, поживши самъ въ Анатоліи лѣтъ семь, въ 1787 г. пригласилъ къ себѣ некрасовца Петрова и съ нимъ, нанявши мореходную лодку, отправился въ турецкій городъ Анапу, откуда съ товарищемъ пошли въ черкесское селеніе Себепсе къ абазинскому мурзѣ Айтеку, для объявленія себя и испрошенія позволенія, по р. Кубани и въ другихъ мѣстахъ ловить рыбу и звѣрей. Получивъ позволеніе, Мазановъ съ Петровымъ отправил-

ся къ устьямъ Кубани, гдѣ еще нашелъ человѣкъ десять некрасовцевъ, тоже занимавшихся рыбной ловлей и охотой; къ нимъ присталъ и Мазановъ. Съ тѣхъ поръ Мазановъ не возвращался въ Анатолію, оставался на Кубани въ обществѣ разныхъ бродившихъ тутъ же некрасовскихъ казаковъ и занимался ловлей рыбы, звѣря и русскихъ людей. По его словамъ, первый попался ему въ руки ходившій надъ Кубанью у рѣчки Курки русскій солдатъ Прокофій, котораго Мазановъ съ своимъ товарищемъ некрасовцемъ Максимомъ схватили и доставили въ горы къ названному мурзѣ Айтеку. Тамъ опредѣлили полонянику цѣну въ 45 левовъ, изъ которыхъ заплативъ половину стоимости Максиму, Мазановъ оставилъ солдата у себя на зиму, а потомъ его продалъ одному абазинцу. Весною Мазановъ усилилъ свою шайку, кромѣ Максима, еще четырьмя некрасовцами, съ которыми переѣхавши на лодкахъ на правую сторону Кубани, поймали еще въ лѣсу семь человѣкъ россійскихъ солдатъ, которыхъ, доставя въ горы, опять продали абазинцамъ за 150 левовъ. Когда же въ 1792 г. на таманскій островъ прибыли черноморскіе казаки, то Мазановъ вмѣстѣ съ своими товарищами началъ охотиться за ними. Въ первый разъ поймали двухъ неизвѣстныхъ черноморцевъ, охотившихся на звѣря, которыхъ продали абазинцамъ за мелкій товаръ на сумму 90 левовъ, а потомъ Мазановъ, поѣхавши на Кубань къ одному жиду на рыболовный заводъ за покупкой холста на рубашку и набойчатыхъ платковъ, поймалъ еще одного казака, по фамиліи Малаго, вблизи Кизилташскаго гирла, котораго продалъ въ горахъ абазинцамъ за четыре коровы, ружье и шесть штукъ безины (бязь); товарищъ же его некрасовецъ Жирный, какъ слышалъ онъ, поймалъ на Кубани семь человѣкъ малороссіянъ и продалъ ихъ въ Анапу.

Интересно выслушать разсказъ самаго казака Малаго о тѣхъ пріемахъ, какіе Мазановъ употреблялъ при поимкѣ русскихъ людей. Казакъ Дядьковскаго куреня черноморскаго войска Петръ Малый, прибывшій въ 1792 г. на гребной флотиліи Чернымъ моремъ съ Днѣстра, вмѣстѣ съ другими черноморцами въ Тамань и занявшійся тамъ рыболовствомъ, говоритъ такъ: 3 ноября того года, отправляясь на Бугазъ къ неводамъ по рыбу, встрѣтился онъ съ знакомымъ казакомъ Яковомъ, по просьбѣ котораго пошелъ по надобности къ пикету, содержавшемуся тогда еще до занятія черноморцами кубанской кордонной линіи, донскими казаками и намѣревался бывшій у него впереди кизилташскій лиманъ перейти прямымъ путемъ, въ неглубокомъ мѣстѣ, въ бродъ. Подошедши къ лиману, Малый сбросилъ съ себя одежду для перехода на другую сторону къ донцамъ, но въ это время подъѣхали къ нему дубомъ, нагруженнымъ солью,

отъ рыболовнаго завода какого-то жида, два русскихъ человѣка и какъ бы изъ жалости къ Малому, чтобы онъ не шелъ холодною водою, предложили ему сѣсть на дубъ, для переѣзда на другую сторону лимана, къ донскому пикету. Не подозрѣвая злого умысла и не зная вовсе, что предложившіе услуги, закубанскіе жители липованы и враги русскихъ, Малый съ благодарностью принялъ предложеніе, какъ онъ думалъ, добрыхъ людей, одѣлся и сѣлъ въ дубъ, допустивъ при этомъ одного некрасовца взять бывшее у Малаго въ рукахъ ружье, какъ бы для большаго удобства. Послѣ этого Малый замѣтилъ, что дубъ направляется не въ ту сторону, гдѣ былъ донской пикетъ, а лиманомъ къ кубанскимъ гирламъ. Тогда Малый съ тревогой спросилъ, куда они его везутъ, но получилъ въ отвѣтъ, что онъ самъ видитъ куда. Видя измѣну пріятелей и впереди дорогу за Кубань, Малый хотѣлъ броситься въ воду и уйти отъ злодѣевъ во время, когда еще не было большой глубины воды въ лиманѣ, но одинъ некрасовецъ, замѣтя движеніе Малаго, выхватилъ изъ-подъ полы кинжалъ, ударилъ имъ Малаго въ бокъ, пробилъ платье и немного ранилъ тѣло. Этимъ ударомъ и грознымъ приказомъ сидѣть смирно, если хочетъ остаться живымъ, некрасовецъ заставилъ Малаго покориться своей участи. Когда дубъ прошелъ далеко отъ берега на большую глубину лимана, то спастись отъ рукъ изверговъ Малому не представлялось уже возможности,— тѣмъ болѣе, что ему некрасовцы связали назадъ руки и грозили при малѣйшемъ движеніи зарѣзать.

Переѣхавъ на лѣвую сторону Кубани, некрасовцы остановились, а когда наступила ночь, то снявъ съ Малаго хорошую одежду: свиту синюю, кафтанъ голубой, штаны зеленаго сукна, поясъ зеленаго камлоту, шапку сиваго смушка съ зеленымъ суконнымъ вершкомъ и взявши чересъ (кожаный двойной поясъ) съ деньгами, нарядили его въ старую рубашку и чекмень и повели на продажу въ одно черкесское селеніе и тамъ сдали его абазинцу, который заперъ Малаго на ночь въ сарай, а на другой день отвелъ его далѣе въ горы и тамъ продалъ черкесскому мурзѣ Дишепку.

Проживъ зиму въ горахъ, Малый два раза покушался убѣжать, но все неудачно, но въ третій разъ онъ успѣлъ-таки скрыться отъ черкесскаго надзора и бѣжалъ къ Кубани, 14 марта 1793 г. прибылъ въ Тамань.

Ловля некрасовцами на Кубани русскихъ людей и торговля ими въ горахъ съ черкесами заставила черноморскихъ казаковъ усилить бдительность пограничной стражи. Начальникъ таманскихъ казаковъ, полковникъ Чернышевъ, принялъ особенныя мѣры къ поимкѣ главнаго злодѣя, Мазанова. Казаки, дѣ-

лая засады, начали его подстерегать. 7 апрѣля 1793 г. Мазановъ показался на лодкѣ подъ правымъ берегомъ Кубани, высматривая себѣ добычу. Не желая упустить удобнаго времени, 6 человѣкъ черноморскихъ казаковъ, скрывавшихся на берегу, внезапно бросились въ Кубань, схватили челнъ съ Мазановымъ и представили этого разбойника Чернышеву, а тотъ передалъ плѣнника командиру пограничной линіи полковнику Саввѣ Бѣлому, отъ котораго Мазановъ былъ отправленъ къ кошевому атаману Чепѣгѣ, стоявшему тогда еще лагеремъ съ черноморцами на Кубани при Карасунскомъ Кутѣ. Отсюда Мазановъ былъ представленъ въ Симферополь таврическому вице-губернатору Габетцу въ сопровожденіи прапорщика Смолы, для производства надъ нимъ суда. На судѣ Мазановъ говорилъ, что онъ по Кубани русскихъ людей не захватывалъ, а бралъ только тѣхъ, которые сами бѣжали со службы на Кубань. Для уликъ былъ потребованъ казакъ Малый, но онъ оказался уже умершимъ. Не имѣя достаточныхъ фактовъ для обвиненія Мазанова и получивъ настойчивое требованіе анапскаго паши о возвратѣ захваченныхъ черноморскими казаками въ плѣнъ многихъ турецкихъ подданныхъ некрасовцевъ, таврическое начальство освободило Мазанова и отправило на Тамань, оттуда онъ полковникомъ Бѣлымъ 4 Августа былъ отосланъ съ прапорщикомъ Лозинскимъ, чрезъ Бугазъ, въ Анапу; требовавшихся же турецкимъ пашею прочихъ некрасовцевъ на кордонной линіи не оказалось, а если они и были взяты, то, вѣроятно, черноморскіе казаки такихъ важныхъ охотниковъ за русскими людьми тогда же отправили въ царство небесное.

За Кубанью прапорщика Лозинскаго встрѣтилъ на первыхъ турецкихъ пикетахъ постовой начальникъ Бекъ-баша и проводилъ въ Анапу къ пашѣ. Этотъ начальникъ крѣпости и всего закубанскаго края принялъ Лозинскаго ласково, угостилъ его по турецкому обычаю и обѣщалъ по предъявленному ему письменному требованію черноморскаго кошеваго атамана разслѣдовать дѣло о захватѣ некрасовцами и черкесами русскихъ людей. На другой день паша, подаривши Лозинскому сабирковую шубу, крытую стаметомъ, а бывшимъ съ нимъ казакамъ деньги, отпустилъ обратно за Кубань. Послѣ Лозинскаго, кошевой атаманъ Чепѣга посылалъ еще къ анапскому пашѣ черноморскаго старшину Паливоду, съ просьбою принять мѣры, чтобы подвластные ему запорожскіе жители и некрасовцы и черкесы не брали на Кубани въ плѣнъ русскихъ людей и тѣмъ не нарушали существовавшихъ съ Турціей мирныхъ отношеній Россійской Имперіи. Паша обѣщалъ принять мѣры къ прекращенію такихъ злодѣяній на русско-турецкой границѣ и, хотя послѣ того

черкесы не переставали злодѣйствовать на кубанской кордонной линіи, но некрасовцевъ не было слышно на Кубани. Вѣроятно, освободившійся изъ русскихъ рукъ главный некрасовскій вождь, Мазановъ, не сталъ болѣе рисковать своей свободой и жизнью; другіе некрасовцы, попавшіеся въ руки черноморскихъ казаковъ и отправленные ими къ праотцамъ, не воскресали, оставшіеся же въ живыхъ за Кубанью, хотѣвшіе еще попытаться на бѣломъ свѣтѣ, убрались къ своимъ соотечественникамъ въ Анатолію, предоставивъ однимъ черкесамъ биться и мириться съ черноморцами на Кубани.

Далѣе не имѣется свѣдѣній о жизни некрасовцевъ въ Шапшамбѣ за цѣлое столѣтіе. Очевидно, они за столь долгое время потеряли всякое свое историческое значеніе, смѣшались съ турками и утратили національность.

Послѣ турецкой войны 1877—1878 г. часть шапшамбинскихъ некрасовцевъ, превратившихся въ турокъ, вмѣстѣ съ анатолійскими греками перешли въ русскіе предѣлы и поселилась въ горахъ на восточныхъ берегахъ Чернаго моря въ Даховскомъ участкѣ, въ селеніи Высокомъ, гдѣ ихъ называютъ и теперь московами. Эти остатки кубанскихъ казаковъ XVII столѣтія утратили уже сознаніе своей русской національности; забыли и свою старую вѣру и русскій языкъ, говорятъ теперь по-турецки, одежду носятъ турецкую, образъ жизни ведутъ турецкій, или правильнѣе азіатскій низшаго слоя; та же грязь, та же неопрятность и неряшливость, какъ у любого подданнаго османовъ. Ни казацкой былой удали, ни русскихъ обычаевъ и смѣлости, ничего изъ прежней отваги удалыхъ кубанцевъ не сохранилось. Они одинаковы во всемъ съ вышедшими изъ азіатской Турціи обездоленными греками; только типъ лица у нѣкоторыхъ представляетъ небольшое сходство съ русскимъ народомъ,—да и то тогда только можно замѣтить, если кто укажетъ, что это потомокъ тѣхъ русскихъ некрасовцевъ, которые жили когда-то на Кубани *).

Относительно некрасовцевъ, перешедшихъ изъ Добруджи въ Малую Азію, извѣстно, что часть ихъ лѣтъ тридцать назадъ, убѣгая, какъ они говорятъ, отъ разоренія со стороны черкесовъ, поселившихся близъ Майноса на Бруссѣ, перешли еще далѣе отъ этого мѣста къ Бейшикрскому озеру, на островъ Мада и основали тамъ поселокъ Кони, но я считаю болѣе вѣроятнымъ раз-

*) Я лично былъ въ селеніи Высокомъ (Черноморской губерніи, на южномъ склонѣ Кавказскаго хребта), видѣлъ тамошнихъ поселенцевъ, и всѣ тѣ, съ которыми я встрѣчался, представляли изъ себя настоящую азіатскую орду.

сказъ дунайскихъ раскольниковъ, приписывающихъ переселеніе многихъ некрасовцевъ изъ Майноса въ Кони страху столкновенія ихъ съ русскими въ крымскую войну, въ которой они участвовали при туркахъ въ числѣ четырехъ эскадроновъ, и сражались съ русскими. По такой же причинѣ тѣ некрасовцы перешли еще прежде изъ Эноса въ Майносъ.

По разсказу самихъ конійцевъ, они вышли изъ Майноса на 250 арбахъ и, достигши Бейшикрскаго озера, купили у турокъ островъ Мада за 300 лиръ, изъ которыхъ 200 лиръ султанъ имъ подарилъ. Новое мѣсто жительства оказалось неблагопріятнымъ въ климатическомъ отношеніи какъ для жизни людей, преждевременно сошедшихъ въ могилу, такъ и для ихъ скота, много тамъ павшаго. Къ этому слѣдуетъ добавить еще одинъ разсказъ, переданный мнѣ служащимъ на пароходѣ россійскаго общества „Цесаревна“, Французомъ Вытовскимъ, что въ 1894 году на пароходѣ, отправлявшемся изъ Одессы въ Іерусалимъ, сѣли въ Константинополѣ человѣкъ тридцать пассажировъ въ смѣшанной одеждѣ турецкой и русской и говорившихъ по-турецки и по-русски. Такіе люди заинтересовали многихъ лицъ на пароходѣ.— Начались распросы, кто они и куда ѣдутъ; на это турко-русскіе пассажиры отвѣчали, что они некрасовскіе казаки, нанятые турецкимъ правительствомъ на казенные рыболовные промыслы въ Бейрутъ. Живутъ они гдѣ-то не въ далекомъ разстояніи отъ Царь-города, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ изъ ихъ селенія (очевидно Майносъ) около пятисотъ человѣкъ выселилось на какой-то островъ (нужно полагать, Маду) и тамъ отъ желтой лихорадки большей частью перемерли; на старомъ же мѣстѣ жительства осталось нѣсколько сотъ семействъ. О Россіи, по ихъ словамъ, некрасовцы имѣютъ смутное понятіе, и когда кто изъ нихъ заговаривалъ о переходѣ въ московское государство, подъ державу русскаго царя, то противъ такого заявленія, всегда многіе возставали, а особенно женскій полъ. Эта прекрасная половина съ большимъ страхомъ говоритъ, что въ Россіи ихъ мужей непремѣнно возьмутъ въ москали (солдаты) и заставятъ ихъ табакъ (чортово зелье) курить.

По разсказамъ путешествовавшаго по турецкимъ землямъ въ 1886 году доктора Елисѣева и по другимъ извѣстіямъ, селеніе некрасовскихъ казаковъ Майносъ лежитъ верстахъ въ 20—25 отъ берега Мраморнаго моря, за озеромъ Маніасъ-чеке, имѣющимъ въ длину около 35 верстъ и ширину 12—15 верстъ. Въ этомъ селеніи имѣется жителей до 3000 душъ, изъ коихъ наберется около 600—700 человѣкъ, годныхъ къ службѣ казаковъ. Майносскіе жители занимаются рыболовными промыслами и огородничествомъ и сбываютъ рыбу и огородныя овощи преимуще-

ственно въ ближайшій городъ Панормо, находящійся у Мраморнаго моря, куда ѣздятъ по морю на своихъ лодкахъ. Въ самомъ Майносѣ есть церковь, въ которой священникъ (уставщикъ), выбираемый изъ среды казаковъ, отправляетъ богослуженіе по старой вѣрѣ и учитъ грамотѣ молодыхъ людей въ школѣ; тамъ же въ церкви хранятся и старинныя регаліи некрасовскихъ казаковъ.

Некрасовцы сохраняютъ свой русскій языкъ, старые русскіе обычая и костюмы; хаты строятъ и все домашнее хозяйство ведутъ по русскому образцу. Словомъ, майносскіе казаки живутъ по-русски и любятъ все старое русское, но къ русскимъ, посѣщающимъ ихъ, весьма подозрительно относятся и на всякіе разспросы объ отношеніяхъ ихъ къ Россіи отвѣчаютъ уклончиво.

Майносская колонія некрасовцевъ управляется своимъ атаманомъ, котораго турки называютъ беемъ. Онъ получаетъ отъ своего общества содержанія 20 лиръ. Въ прежнее время Оттоманская Порта мало вмѣшивалась въ дѣла этой казачьей колоніи, предоставляя управленіе ею казачьему атаману и старшинамъ общества; но въ послѣднее время власть атамана во многомъ ограничена турецкимъ правительствомъ. Атаманъ, хотя и собираетъ, по старому порядку, войсковой кругъ казаковъ съ ихъ есаулами, но только для обсужденія текущихъ войсковыхъ дѣлъ своей колоніи; прежній же вольный казачій судъ надъ провинившимися, доходившій до смертной казни, и прочія дѣла, относящіеся къ правительству, рѣшенію войскового круга уже не подлежатъ; теперь для разбора серіозныхъ дѣлъ наѣзжаютъ въ Майносъ турецкіе чиновники и вообще всякія мѣропріятія, имѣющія отношеніе къ правительству, находятся въ рукахъ турецкой администраціи.

Когда некрасовскіе казаки, находясь въ турецкихъ владѣніяхъ, не разъединялись, не передавались на русскую сторону, шли охотно въ турецкую военную службу и участвовали въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ русскихъ и другихъ непріятелей, то турецкій султанъ, считая этихъ казаковъ лучшимъ своимъ войскомъ изъ подданныхъ ему невѣрныхъ гяуровъ, предоставлялъ имъ разныя льготы и привилегіи, какъ-то: государственныхъ податей не платить, безпошлинно рыбу ловить, снаряжаться на войну конными и т. п. Тогда майносская колонія некрасовцевъ находилась въ цвѣтущемъ состояніи. Впослѣдствіи, когда условія жизни некрасовцевъ измѣнились, казаки эти, послѣ севастопольской войны и распространенія русскаго владычества на Кавказѣ, оказались не нужными. Турецкое правительство лишило ихъ былыхъ казачьихъ привилегій и обратило въ райю: султанскіе фирманы, оружіе и пушки, изъ которыхъ двѣ чугунныя и одно

мѣдное орудія были еще съ времени Игната Некрасова, отъ казаковъ турки отобрали и заставили ихъ платить подати въ государственную казну по 3 меджидіе въ годъ, съ 15-лѣтняго возраста; и лѣтъ десять тому назадъ, когда некрасовцы по призывамъ турецкой власти начали уклоняться отъ военной повинности, то подати съ нихъ еще были увеличены: съ нихъ потребовали съ каждаго человѣка по 10 меджидіе (17 р. 50 к.) въ годъ, 8-ю мѣру съ собраннаго хлѣба и 5% съ уловленной рыбы. По послѣднимъ же извѣстіямъ, переданнымъ посѣтившимъ недавно Майносъ г. Вожинымъ, некрасовцы платятъ въ казну со двора по 9 „бѣлыхъ“ (около 15 р.) въ годъ и отдаютъ турецкимъ сборщикамъ по 20% съ рыбной добычи. Въ виду такихъ налоговъ и уменьшенія рыбныхъ промысловъ майносская колонія некрасовскихъ казаковъ начинаетъ бѣднѣть. Нѣкоторые старые казаки вспоминаютъ уже Россію и не прочь бы теперь возвратиться въ свой родной русскій край, но въ настоящее время мысли эти несбыточны: ужъ слишкомъ они далеко забрались въ глубь Азіи отъ русскихъ границъ, откуда безъ вѣдома турецкаго правительства не пройти имъ въ землю русскую.[108])

Вотъ всѣ свѣдѣнія, какія удалось мнѣ собрать о жизни потомковъ русскихъ кубанскихъ казаковъ XVII столѣтія, въ турецкихъ предѣлахъ. Они въ чужой землѣ вымираютъ, смѣшиваются съ турецкимъ народомъ, забываютъ свое русское происхожденіе и русскую рѣчь, въ частыхъ сношеніяхъ съ турками пользуясь турецкимъ языкомъ. О Россіи они имѣютъ самое смутное и невыгодное представленіе и русскихъ людей не любятъ и считаютъ ихъ своими непріятелями. Былую казачью удаль турецкіе некрасовцы уже утратили и удалые былые атаманы ихъ существуютъ въ одномъ только преданіи, нынѣшній же атаманъ Майноса или Кони не болѣе, какъ старшина любаго турецкаго селенія. И не далеко то время, когда этотъ остатокъ русскаго народа, заброшенный, благодаря религіозному фанатизму, на берега Мраморнаго моря, обратится въ турокъ, и самое имя первыхъ казаковъ на Кубани, существовавшихъ въ концѣ XVIII вѣка, навсегда замолкнетъ, и слѣда отъ этихъ удалыхъ воиновъ въ Турціи не останется.

Остается сказать нѣсколько словъ о некрасовцахъ, переселившихся въ разное время изъ Добруджи на лѣвый берегъ Дуная. Эти переселенцы составляютъ малую часть раскольниковъ, извѣстныхъ теперь подъ названіемъ липованъ, но официально они называются некрасовцами. Они разбросаны по разнымъ го-

---

108) „Русская Старина“ 1895 г., Ноябрь, стр. 158. „Донская Рѣчь“ 1896 г. № 40. Кубанскія Вѣдомости 1897 г., № 101. Новое Время 1898 г. № 8059.

родамъ Бессарабіи, а особенно въ Измаилѣ, Галацѣ и Бендерахъ; на лѣвой же сторонѣ Дуная, въ Румынской сторонѣ, цѣлые города населены липованами, которые не пожелали переходить въ числѣ прочихъ некрасовцецъ въ Бессарабію подъ русскую Державу.

По разсказамъ измаильскихъ некрасовцевъ, турки, во время бытности ихъ за Дунаемъ, до крымской войны, обращались хорошо: никакой службы и земской повинностью ихъ не обременяли, подати брали самыя незначительныя, въ общественные ихъ порядки не вмѣшивались,—предоставляя полную свободу жить и управляться въ каждомъ селеніи, какъ пожелаютъ. Оттого большая часть некрасовцевъ и не захотѣла переходить изъ-за Дуная на русскую сторону въ Бессарабію; при такихъ же выгодныхъ условіяхъ они впослѣдствіи поступили въ румынское подданство.

Перешедшіе на лѣвый берегъ Дуная въ Бессарабскую область некрасовцы, какъ уже выше сказано, свободно и вольно жили на лѣвой сторонѣ Дуная до крымской войны, послѣ которой поступили подъ власть образовавшагося румынскаго государства, въ которое вошелъ придунайскій край. Румыны обошлись съ некрасовцами хорошо, предоставивъ имъ жить на прежнемъ положеніи. Не тревожась за свою будущность, бессарабскіе некрасовцы остались на своихъ мѣстохъ и вмѣстѣ съ задунайскими раскольниками вошли было въ составъ румынскаго королевства, но не надолго. Послѣ войны съ Турціей 1877—1878 г. часть Бессарабіи нижняго Дуная перешла обратно къ Россіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и некрасовцы, живущіе тамъ, вновь поступили въ русское подданство; но при этомъ, какъ они говорятъ, за ними осталось румынское право, по которому они податей, установленныхъ для русскихъ людей, податного оклада, не платятъ и воинской повинности не отбываютъ.

Я не имѣлъ ни времени ни интереса провѣрять ихъ права и общественное положеніе, меня интересовала исторія ихъ прежней жизни и потому не могу ничего сказать, на какихъ правахъ живутъ теперь бессарабскіе некрасовцы. Эти потомки кубанскихъ казаковъ сохранили вполнѣ типъ русскаго народа петровскаго времени. Старая вѣра, языкъ, платье, обычаи, широкое гостепріимство, все напоминаетъ петровскую Русь. У этихъ старовѣровъ въ селеніи есть церковь и попъ. Есть близъ Измаила старообрядческій мужской монастырь. Въ самомъ Измаилѣ живетъ ихъ архіерей Аѳанасій (перешедшій изъ Румыніи). Въ его епархіи числятся всѣ старообрядцы, живущіе въ Бессарабіи. Но при всей своей набожности, некрасовцы, какъ и предки ихъ, народъ грубый, чуждающійся современной цивилизаціи. Школъ у

себя не заводятъ, ремесленныхъ заведеній не устраиваютъ, но между ними есть и грамотные, научившіеся читать и писать у частныхъ лицъ. Живущіе при Дунаѣ некрасовцы занимались исконнымъ своимъ рыболовнымъ промысломъ; это главный источникъ ихъ существованія, побочныя же ихъ занятія—огородничество и земледѣліе, но послѣднее у нихъ, по старымъ казачьимъ традиціямъ, не въ ходу. Они свою землю, находящуюся при селеніи, большею частью отдаютъ въ аренду стороннимъ лицамъ. Но такъ какъ рыбный промыселъ изъ года въ годъ на Дунаѣ слабѣетъ, а отъ земли получается мало выгодъ, то некрасовцы, разсыпанные при Дунаѣ въ измаильскихъ предѣлахъ, бѣднѣютъ и чувствуютъ себя не хорошо.

Некрасовцы и теперь, какъ въ былое время, относятся крайне недовѣрчиво къ пришлымъ людямъ, хотя бы и русскимъ, что я испыталъ на себѣ. Они все какъ будто чего-то боятся и о своей прошлой жизни совсѣмъ не хотятъ говорить. И только убѣдившись, что я къ нимъ никакого офиціальнаго дѣла не имѣю, а желаю только ознакомиться съ предками кубанскихъ казаковъ, ради ихъ исторіи, выказали нѣкоторое расположеніе и угостили хлѣбомъ-солью, чаркою водки и стаканомъ собственнаго бессарабскаго вина.

П. П. Короленко.